

18+

Владимир ВЫСОЦКИЙ

Человек народный

Опыт прочтения биографии

Биографии

XX

века

Биографии XX века

Дмитрий Силкан

**Владимир Высоцкий.
Человек народный. Опыт
прочтения биографии**

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8

Силкан Д. В.

Владимир Высоцкий. Человек народный. Опыт прочтения биографии / Д. В. Силкан — «Издательство АСТ», 2020 — (Биографии XX века)

ISBN 978-5-17-102416-1

Владимир Высоцкий написал более семисот песен и стихов, сыграл культовые роли в театре и кино. Он был одним из немногих советских людей, кто мог свободно путешествовать по миру. Но было ли у него в жизни все так легко и безоблачно, как могло показаться на первый взгляд? Он всегда жил крайностями и шел напролом, ни в чем не признавая чувства меры. Он прожил всего сорок два года. Но и при жизни, и по прошествии сорока лет после смерти его биография до сих пор остается предметом ожесточенных споров. Эта книга – еще одна попытка попробовать понять и разгадать некоторые грани этой уникальной личности, а главное – попытаться ответить на вопросы: что сделало его таким, откуда в его песнях этот трагический надрыв, а в стихах – пульсирующий оголенный нерв?.. Своими мыслями и воспоминаниями о Владимире Высоцком и о том, как они относятся к разным аспектам его жизни и творчества, делятся двоюродная сестра поэта Ирэна Высоцкая, коллеги по актерскому цеху Лариса Лужина и Николай Бурляев, киносценарист Илья Рубинштейн, режиссер, сценарист, Андрей Левицкий, главный редактор журнала «Наш современник» Станислав Куняев, рок-музыкант Александр Ф. Скляр, поэт, литературовед Константин Кедров, скульптор, художник Григорий Потоцкий и многие другие...

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8

ISBN 978-5-17-102416-1

© Силкан Д. В., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Вместо предисловия	7
Первая встреча с Легендой	10
Начало. Московская шпана	23
«Вертикаль» первого успеха	32
Разносторонняя личность	46
Кино. Театр. Актерская стезя...	53
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Дмитрий Силкан
Владимир Высоцкий. Человек
народный. Опыт прочтения биографии

© Д. В. Силкан, текст, интервью, 2020

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2020

Вместо предисловия

Приступив к работе над книгой о Владимире Семеновиче Высоцком, первым удивительным фактом, с которым я столкнулся, стало обилие клубов, форумов, фестивалей, обществ любителей творчества, тематических порталов и сообществ в интернете, посвященных его памяти. Причем во всех городах и весях бывшего СССР. А также и за рубежом, особенно среди русскоязычных диаспор.

Пожалуй, подобный впечатляющий размах – и количественный, и географический – и сравнить-то больше не с чем. Даже признанные классики, прилежно изучаемые на школьных уроках литературы, едва ли имеют хотя бы десять процентов неформальных «фанатских клубов» от числа подобных, посвященных Высоцкому.

Второй удивительный факт – обилие опубликованных исследований о Владимире Высоцком: его жизнеописаний, мемуаров о встречах с ним. Крайне подробных, тщательно выверенных. Когда я брал интервью у известного киносценариста Ильи Рубинштейна, то насчитал у него дома целых одиннадцать (!) полновесных полок книг, рассказывающих о Высоцком. (Издания самого Высоцкого и книги о его друзьях и коллегах стояли отдельно.)

При этом Илья Иосифович гордо продемонстрировал мне издания, в которых описывается буквально каждый день жизни Высоцкого: если события этого календарного числа известны многочисленным высококоведам. Лучше приведу прямую цитату, чтобы мысль была выражена «из первых уст».

Илья Рубинштейн: *Известный исследователь Лев Черняк, совместно с Музеем Владимира Высоцкого, издал капитальные труды, в которых досконально рассматривается биография Высоцкого. Уже вышли обширные тома с очень ценными документами: «Детство», «Отрочество», «Юность». Пока данная серия закончилась на учебе Высоцкого в Школе-студии МХАТ. Надеюсь, что вскоре выйдут и остальные тома, где подробно опишут всю жизнь Высоцкого, до самых его последних дней.*

С одной стороны, можно только порадоваться, что поклонники таланта Владимира Семеновича так активно восстанавливают – буквально по крупицам! – все обстоятельства его жизни и творчества. Но с другой стороны – а нужна ли тогда еще одна книга о Высоцком? Что она должна из себя представлять: очередную компиляцию из уже вышедших работ? Классически: «из трех книг – сделать четвертую; из десяти изданий – состряпать одиннадцатое»?

После долгих раздумий я решил, что нужна. Но только если она не будет давать дежурный скомпилированный обзор или представлять тщательно выполненный рерайтинг из уже вышедших трудов. А предоставит читателю совершенно новый, эксклюзивный контент.

Собственно, пересказ самой биографии В. С. Высоцкого едва ли имеет смысл. Она в настоящий момент уже очень хорошо отображена в различных изданиях. Едва ли можно найти в ней какие-то белые пятна. Скажем, в той же «Википедии» приведена подробная биография Высоцкого, где дотошно прописаны все, даже самые, на первый взгляд, незначительные нюансы его жизни. Общий объем интернет-статьи – почти четыре авторских листа! Одних только ссылок в примечаниях насчитывается аж 429, а список литературы включает порядка 70 наименований! (Для сравнения: Статья «Википедии» о Владимире Маяковском занимает объем чуть более одного авторского листа, имеет 53 ссылки в примечаниях; в списке литературы – 46 наименований. А статья об Александре Твардовском уместается менее чем на 0,4 авторского листа: в десять раз меньше, чем у Высоцкого! И имеет 26 примечаний и 20 указаний на используемую литературу.)

Биография хорошо известна... Но вот в ее обсуждении, в различных предположениях, «как именно жизненные обстоятельства повлияли на творчество», думаю, можно сказать еще много чего интересного.

Впрочем, это и происходит по сей день. Довольно часто в СМИ появляются публикации, где приводятся рассуждения на подобные темы. Многочисленные друзья-последователи-поклонники Высоцкого делятся своими мыслями: как они относятся к тому или иному аспекту творчества Великого барда.

Впрочем, и те, кто «откровенно не жалуется» данное творчество, также активно высказывают свои суждения. Благо Владимир Семенович был настолько удивительной, разноплановой (в чем-то даже – парадоксальной!) личностью, что различных, порой диаметрально противоположных, интерпретаций его жизни и творчества хватает с лихвой!

Снова приведу слова о собственном понимании Высоцкого, которое мне дал в интервью известный музыкальный критик.

Алексей Певчев: *Фигура Высоцкого окутана таким количеством необъяснимого, обладает таким простором для исследований, окружена таким огромным числом разных версий и интерпретаций – что даже и не знаю, был ли в этом плане в России другой поэт, достигший подобного исследовательского интереса!*

...Вот, кстати, потихоньку складывается и формат будущей книги. Прямые цитаты из интервью, данных экспертами издания, которые я буду лишь пытаться «сшивать» между собой – чтобы получилась единая ткань повествования. Надеюсь, получится интересное коллективное обсуждение, пусть и в некоем «виртуальном дискуссионном зале». Каждый из экспертов, согласившихся дать интервью специально для этой книги, будет выражать свою точку зрения. Но прежде всего – рассказывать, чем же лично ему нравится личность и творчество Высоцкого. Или – чем конкретно не нравится. Ведь как в любой широкой дискуссии, посвященной крайне неоднозначному и многоплановому явлению, всегда найдутся голоса как «про», так и «contra». Тем интереснее – при наличии возможной полемики! – станет наше обсуждение.

А мне останется выступить лишь в качестве «технического модератора» отдельных выступлений спикеров проекта. Потому что в качестве главного арбитра я вижу исключительно читателя. И только его... Пусть именно он сопоставляет сказанное экспертами, взвешивает на своих внутренних весах различные точки зрения.

Конечно, тут следует благодарить счастливую журналистскую планиду – за встречи с уникальными людьми, без которых теперь уже просто и не представляю, как бы могло сложиться данное исследование.

Во-первых, это член семьи Владимира Семеновича, его двоюродная сестра Ирэна Алексеевна Высоцкая, чье эмоциональное и содержательное интервью очень украсило издание. И, безусловно, признанные сообществом высокоцковедов исследователи-лидеры: Сергей Жильцов и Лев Черняк. По-хорошему, можно составить отдельный многотомник о Высоцком – основываясь лишь на беседах с каждым из них. Так же как вполне возможно зарядить телецикл часовых бесед с Ильей Рубинштейном, серий так на шестьдесят. Эти люди знают о Высоцком практически все! Не уверен, что даже он сам знал о себе так много...

Но, справедливости ради, следует поблагодарить всех экспертов издания! Ведь каждый поведал о Высоцком много интересного, а порой и неожиданного. А главное, выразил свою собственную точку зрения на жизнь и творчество Великого барда.

...Важно отметить, что как таковых наводящих вопросов экспертам и не задавалось. Чаще всего я обрисовывал простую ситуацию: мол, вам нужно рассказать о Высоцком тому, кто

о нем еще ничего не слышал. Например, кому-то из представителей юного поколения. О чем бы вы рассказали? Что для вас главное в личности Высоцкого, в его творчестве, в его жизни?

А потом, уже в процессе разговора, с моей стороны задавались лишь уточняющие вопросы, исключительно по ходу самого рассказа. Правда, известных высокоцковедов и высокоцлюблов я неизменно спрашивал: вот вы прочитали огромное количество книг и статей о Высоцком. А что, по вашему мнению, недостаточно отображено во всех них? О чем бы еще вы сами хотели прочитать?

Удивительно, что, не сговариваясь, мои собеседники называли два момента.

Илья Рубинштейн: *Очень много вышло книг о Высоцком. Но некоторая информация о нем, увы, отображается крайне слабо. Например, о его пристрастии к сильнодействующим медицинским препаратам перед самой смертью. Это стало трагедией. Причем данный факт окружение Высоцкого тщательно скрывало от общественности. Неслучайно не было даже вскрытия – чтобы никто не узнал лишней информации. Иногда говорят, что перед уходом из жизни Владимир Семенович резко сменил круг общения. Именно этот новый круг, мол, и сбил с толку Высоцкого. А ведь он этот круг не менял – он его просто максимально сузил. Остались только самые приближенные: Всеволод Абдулов, Станислав Говорухин, Вадим Туманов, Валерий Янкович. Именно для того, чтобы как можно меньше людей узнало про его пагубное пристрастие, про его болезнь.*

Очень жаль, что тема, заслуживающая отдельного серьезного исследования, или до сих пор стыдливо замалчивается, или подается впроброс, без должного вдумчивого подхода. А то и вовсе искусственно педалируется, чуть ли не объявляется главным драйвером последних лет жизни Высоцкого!

Эксперты издания рассказали (насколько это было возможно) о пагубных пристрастиях Владимира Высоцкого: ведь без рассмотрения именно данных реалий просто невозможно понять весь трагизм его личности. Он превращается в шаблонный образ гитарного бунтаря в джинсах – и не более того... Конечно, формат издания, увы, не предполагает особо уж развернутого обсуждения данной темы. Но, следуя настойчивым рекомендациям высокоцковедов, постараемся остановиться на разрушительных зависимостях, непосредственно приведших к гибели Высоцкого, более подробно.

А второй момент, который недостаточно отображен в литературе о Высоцком, – это творческая ревность со стороны коллег: в литературе ли, в бардовской песне, в актерском ремесле... Почему-то и эту тему тоже обычно замалчивают. А ведь без ее детального рассмотрения невозможно будет понять все перипетии творческой судьбы Владимира Высоцкого. Думаю, что и об этом эксперты издания выразились довольно недвусмысленно. И их мнение, уверен, будет интересно широкому читателю.

Но, конечно, хотелось создать такую книгу, такую коллективную беседу, чтобы вызвать интерес у всех: как у тех, кто изучает жизнь и творчество Высоцкого не один год, так и у тех, кто очень мало пока слышал о нем...

Насколько это удалось – судить Вам, дорогой читатель. Ведь это именно Вы, в качестве слушателя, присоединяетесь к выступлениям наших экспертов на страницах данной книги. Для каждого из которых жизнь и творчество Владимира Высоцкого является очень важной темой, о которой хочется говорить снова и снова: как с предельной эмоциональной вовлеченностью, так и с холодной логической рассудительностью.

Приятного вам путешествия в удивительную творческую Вселенную, именуемую «Владимир Семенович Высоцкий»!

Первая встреча с Легендой

*Ты к знакомым мелодиям ухо готовь
И гляди понимающим оком,
Потому что любовь – это вечно любовь,
Даже в будущем вашем далеком...*

В. С. Высоцкий

Удивительно... Когда в издательстве только еще обсуждали предварительные планы по работе над данной книгой, первой фразой, что я тогда произнес, было: «Высоцкий – мой современник. Когда он ушел из жизни, мне было уже почти 14 лет!»

Затем я очень часто сталкивался с той же самой формулировкой. Мои собеседники, не сговариваясь, начинали свой рассказ со слов: «Когда Владимир Семенович умер, мне было...» Это удивительное ощущение, что застал Легенду, прикоснулся к ней при жизни!

Но... годы идут! Уже сорок лет, как Владимира Семеновича Высоцкого нет с нами. Выросло уже целое поколение, представители которого могут заявить: «Когда Высоцкого не стало – еще даже не появились на свет мои родители!»

Интересно... Почти все мои собеседники, рассказы которых вошли в данную книгу, вспоминали о своих ярких детских впечатлениях, о первой встрече с загадочной Вселенной под названием «Высоцкий». Именно оттуда, из самого раннего детства родом эта удивительная привязанность к Великому барду, к его удивительному творчеству и не менее удивительной личности.

Александр Цуркан: У меня первое впечатление от того, кто такой Высоцкий – из детства. Я прибегаю с хоккея, весь мокрый – мы там бегали как угорелые часами! Кричу: «Мам, дай попить водички!» Жду, пока она на кухне наливает воду. Вдруг слышу – музыка, смотрю, папа стоит и смотрит в телевизор. А потом как закричит, очень эмоционально: «Эля, иди сюда, послушай, это же Высоцкий!» Отец был мастер спорта по боксу: очень спокойный, сангвиник. Если он проявлял эмоции, то я понимал – что-то очень серьезное, интересное и важное для него случилось. Отец вперил в телевизор взгляд, а мне-то и не видно ничего из-за перегородки. Мать подбегает, быстро сует мне стакан воды – и к отцу. Слышу, что оттуда доносится песня какая-то – премьера фильма «Вертикаль» как раз шла по телеку! – «...оставить разговоры, вперед и вверх, а там...». А мои родители – такие потрясенные стоят. Мама прижалась к отцу, говорит: «Так же никто не поет! А какая правда идет от него!». А отец продолжает: «Ну, я же и говорю, что это Высоцкий!» Когда я увидел такое потрясение отца и то, что мать присоединилась к его чувству, то понял, что Высоцкий – это что-то очень необыкновенное! Это была первая встреча с этим именем, с этой магией – под названием «Высоцкий»!

Трудно не отметить, что те, кого судьба столкнула с творчеством Высоцкого в раннем детстве, выросли его горячими почитателями. Сохранив очень теплые чувства к тем благодатным «временам Высоцкого».

Сергей Нырк: Я впервые услышал его в 1971 году, когда мне было девять лет. Думаю, с этих пор я с песнями Высоцкого больше и не расставался. Это был самый известный поэт, певец, актер, которого вообще когда-либо слушали!

Мои собеседники признавались: «Высоцкий буквально окрасил мое детство своими песнями. Это был мой маленький школьный секрет – потому что учителя не одобряли моего увлечения». Впрочем, не только испуганные «возможной крамολой» педагоги, но и пионерско-комсомольские функционеры также с большой настороженностью относились к вольным песням. Ко всему тому, что не передают по государственному радио.

Андрей Левицкий: *Я первый раз услышал песни Высоцкого, когда мне было шесть лет. Праздновали юбилей сестры моей бабушки – папа пришел, принес бобинный магнитофон. Я услышал тогда песню:*

*Он капитан, и родина его – Марсель,
Он обожает споры, шум и драки,
Он курит трубку, пьет крепчайший эль...*

На меня тогда и хриплый голос, и сама песня произвели просто колоссальное впечатление! Я ее тут же запомнил и стал напевать в школе, в первом классе. В том числе и такие слова:

*Однажды накурившись гашиша,
Зарезал девушку из Нагасаки.*

На меня все учителя смотрели буквально с ужасом: ведь я пел какую-то блатную, по их мнению, песню. А я с того самого времени запомнил ее на всю жизнь. Но не может маленький ребенок, если только на него это самым сильным эмоциональным образом не воздействовало, запомнить какие-то стихотворные строчки на всю жизнь!

Высоцкого на одном из концертов как-то объявили в качестве большого друга альпинистов. В соответствующей главе дойдем и до скалолазаний. Но то, что Высоцкий был кумиром советских мальчишек, неформальным лидером тех, кого райкомовские дяди упорно хотели именовать юными ленинцами, – тут даже и спорить как-то неуместно.

Александр Цуркан: *Песню «Если друг оказался вдруг» мы все в детстве знали и пели, любимая была песня. У нас в семье песни Высоцкого слушали сначала на маленьких гибких пластинках. Магнитофон появился уже позже, где-то в 70-х годах. Когда я отдыхал в пионерлагере – мне уже было лет тринадцать, – помню, все говорили, что есть вот такой Высоцкий, которому все позволено, который все может назвать своими именами. Среди детей даже было разлитое это чувство: гордости и радости – что Высоцкий очень веселый, любит жизнь и поет очень необычные песни. «Чуду-юду я и так победю...» – эту песню мы пели как детскую, когда она только появилась, она же как считалка воспринимается. Вроде и нелепость на первый взгляд, но были там и простота, и искренность, и они попадали прямоком в детское сердце. «...Мне бы выкатить портвейну бадью... // Мол, принцессы мне и даром не надо...» Мы даже и не понимали толком, что еще за «бадя портвейна», но когда слышали – нам было смешно, что герой отказался от принцессы и выбрал какую-то там бадью.*

Анатолий Сивушов: *Я впервые услышал Высоцкого совсем маленьким. Во дворе звучали песни, спетые для советского человека совершенно каким-то нестандартным голосом, особо, удивительно. Играли, помню, песни из цикла его сказок «В королевстве, где все тихо и складно». Мне было лет двенадцать, и не обратить на это внимание было невозможно,*

ведь песни Высоцкого очень сильно выбивались из всего, что мы обычно слышали по радио, по телевизору. Это сразу запало в душу и запомнилось!

...Детские увлечения потому и именуют «детскими», что считают чем-то таким несерьезным, не стоящим особого внимания. Мол, чем бы дитя не тешилось! Поэтому и реакция родителей на странные вкусы любимого чада была разной. Например, непонимание, этакое тактичное пожимание плечами.

Сергей Ерахтин: *Когда мне было всего три года от роду, я – не выговаривая тогда еще букву «р» – распевал повсюду песню Высоцкого «Москва-Одесса»: «Мне это надоело челт мозьми, и я лечу туда, где плинимают!» Взрослые считали, что это у меня такая новая странная игра. А потом, 25 июля 1980-го, когда я с мамой был в доме отдыха в Казахстане, по радио сказали: «Сегодня умер актер театра и кино Владимир Высоцкий». Я очень громко заплакал: по-детски, со жгучей обидой. Мама и наша соседка за столом в буфете, волнуясь, стали наперебой меня спрашивать: «Серезжа, что случилось?!» Я посмотрел на них и выкрикнул отчаянно: «Вы что, не понимаете?! Высоцкий умер!» Мне было тогда семь лет.*

Но зачастую во многих семьях уже существовал своеобразный культ Высоцкого. И тогда дети просто перенимали интерес к его песням от взрослых: подражали родителям, пытались ощутить себя старше.

Андрей Никульский: *Когда умер Высоцкий, мне было восемь с половиной лет. Но уже в столь ранние годы я был знаком с некоторыми его песнями. У нас в семье были его пластинки-миньоны – с этими песнями я рос с раннего детства. Мне их даже, помню, заводили перед сном. Позднее слышал разговоры взрослых: мол, где-то, у Главпочтамта, за большие деньги продают пленки Высоцкого с легендарной «Банькой» и другими песнями. Слышал и рассказы о поклонницах, дежуривших день и ночь на кладбище, у его могилы. А также о фотографиях с похорон, которые на Ваганьково продаются по три рубля, – большая по тем временам сумма.*

Алексей Певчев: *Впервые оценить всю мощь поэтического гения Высоцкого мне удалось в восемь лет. Произошло это в день его смерти. Мы с родителями заехали к их подруге, Нонне Келдыш, члену семьи выдающегося математика. Помню катушечный магнитофон и крутящиеся бобины с записями Высоцкого. Перед его портретом стояла зажженная свеча... В тот вечер я впервые услышал не популярные песенки с миньонов – «Жирафа», «Утреннюю гимнастику», которые может воспринимать ребенок, – а всю его мощь. Весь этот совершенно необычайный порыв Высоцкого! Плюс ко всему люди вокруг, воспринявшие смерть Высоцкого как уход родного человека. Помню, это продолжалось часа три или четыре. Мне врезались в память песни Высоцкого, звучавшие с магнитофона: «Дом на семи ветрах», «Райские яблоки», «Кони привередливые». Сложные для детского восприятия песни, и, вероятно, понять их до конца я был не в состоянии. Но энергия – просто была наповал!*

Записи Высоцкого были во многих семьях особой гордостью. Как, например, корешки подписных собраний сочинений классиков в мебельных «стенках».

Александр Чистяков: *Когда умер Высоцкий, мне исполнилось всего десять лет. Но его песни у нас в доме звучали всегда: мой отец был меломаном. У нас было не только несколько катушек с записями Высоцкого, но и совершенно редчайшая вещь: оригинал французского диска-гиганта. Брат отца служил в лондонском посольстве, и этот диск был специально*

привезен из Англии. Мне на всю жизнь передалось увлечение творчеством Высоцкого. Например, когда я служил срочную службу в Венгрии, то купил там сборник «Нерв», который гордо привез в Москву.

Хотя французский диск – уже совсем что-то из разряда небывальщины. О подобном можно было только мечтать! Обычный советский ребенок знакомился с песнями Высоцкого на отечественных магнитофонах, тех, что нещадно скрипели при воспроизведении записей. Но это еще полбеды. Хуже, что сами записи являлись копиями какого-то совершенно нереального количества перезаписываний. А потому – шипели и заедали.

Дмитрий Дарин: *В моем раннем детстве был такой большой магнитофон – скошенный, желтый. Сверху – бобины с пленкой. У отца, помню, был записан Высоцкий – в том числе песня про Лукоморье. Меня она тогда буквально завораживала – такая вот необычная сказка. Хотя я даже не знал, кто это поет. Это уже потом я услышал среди мальчишек во дворе про Высоцкого. Помню, что все это жуткое шипение на записи делало ее еще более интересной и загадочной. Думаю, так Высоцкого и слушали везде в народе – через этот скрип на записи.*

Песни, что с таким вниманием пытались расслышать на шипящих записях, пошли в народ. Думаю, именно тогда музыкальные школы Советского Союза столкнулись с серьезным оттоком учеников, занимавшихся по классу фортепьяно или скрипки – и желающих теперь учиться в гитарных классах.

Мария Богдасhevская: *Когда в детстве я училась в музыкальной школе, по классу гитары, все мои одноклассники мечтали петь песни и при этом сами себе аккомпанировать на гитаре. И все мальчики хотели петь именно «как Высоцкий»: классические гитарные романсы как-то не прельщали молодых людей. А Высоцкий – это было модно, мощно, красиво. Это было круто! Многие юные мальчики даже специально пытались петь «с хрипотцой» – под Высоцкого.*

Высоцкий стал для молодого поколения своеобразным символом свободомыслия, независимости от всех тех идеологических штампов, что пытались назойливо вдолбить им в головы некоторые взрослые. Это была своеобразная революция – в восприятии мира, общества и себя в нем, к которой отчаянно будил неподконтрольный властям бард.

Олег Черемных: *В 1969 году моему старшему брату родители подарили магнитофон «Чайка-66». И в нашем доме зазвучал рок: «Битлз» и многое другое. Я с десятилетнего возраста влюбился в эту музыку, принципиально игнорируя всех отечественных исполнителей. На русском языке у нас дома был только Высоцкий: мощь, энергия, живые образы, правда жизни. Появлялись, правда, иногда в доме записи Вертинского, Аркадия Северного, но их быстро стирали. В 1975 году мы с отцом были в Питере, в первый же день он купил мне магнитофон «Маяк-202», и, пока отец в течение недели ходил в гости к нашим родственникам, я осел дома у своего ровесника, который приходился мне родней, и на новый магнитофон переписывал альбомы западного рока из его коллекции. Родственник оказался знатным меломаном. Я с удивлением узнал, что из всех отечественных исполнителей у него тоже записан один лишь Высоцкий, но зато – целое море записей! Помню, я тогда переписал у него Высоцкого – по принципу: все, что есть!*

Жаль, что очень немногие из юного поколения тех времен могут похвастаться, что видели любимого певца живьем – пусть даже не на концерте, а в театре.

Наталья Козырева: *В январе 1971 года я приехала в Москву к своей подруге – на зимние каникулы. И, конечно, мне очень хотелось увидеть Высоцкого! Хотя я и не представляла себе, как это может получиться. И тут мне несказанно повезло: у подруги отец был режиссером-оператором в «Центрнаучфильме» и имел магическую книжку члена Союза кинематографистов СССР, дающую право на бронь. И я попадаю на Таганку, смотрю «Антимиры» по произведениям Вознесенского! Это просто невероятно! Люди сутками простаивали в очередях, чтобы купить заветный билетик, а я, десятиклассница краснодарской школы, в числе небожителей. Дальше на сцену выходят знаменитые актеры: Алла Демидова, Борис Хмельницкий, Нина Шацкая, Зинаида Славина... С трепетом ожидаю появления Высоцкого. Где он?! Чуть не плачу – вижу щуплого невысокого человека с гитарой. А где тот богатырь-бородач из фильма «Вертикаль»? Не может быть! Не могу скрыть разочарования. Но вот я слышу знакомый голос, который не спутать ни с кем, и все становится на свои места. Когда он запел «Молитву» – аж мурашки забегали по коже и перехватило дыхание. Свершилось! Я видела Высоцкого на сцене! Когда я, вернувшись после каникул, сказала, что была в Театре на Таганке и видела самого Высоцкого, встретила недоверчивые взгляды одноклассников. Пришлось предъявить программку и билет. Поверили!*

И уж совсем мало кто может сказать, что в молодости общался с Владимиром Семеновичем! Но и такие свидетельства существуют. И трудно не удержаться, чтобы их не привести целиком.

Николай Бурляев: *Мы познакомились с Владимиром Высоцким летом 1961 года, когда режиссер Андрей Тарковский готовился к созданию фильма «Иваново детство» и проводил кинопробы. В потоке актеров, которых пробовал в паре со мной Тарковский, прошло много уже известных личностей. Например, у меня были пробы с Владимиром Ивашовым, Евгением Жариковым, Валентином Зубковым. Очередным партнером по пробам стал какой-то «Володя», как мне его представили. Мне показалось тогда, что у него «охрип» голос: тогда я же еще не знал, кто передо мной! Кинопроба – это унижение актеров, которые должны понравиться режиссеру, чтобы их взяли в фильм. Но тогда этот унижительный акт нас подружил. По ходу проб мы друг другу говорили «ты» – затем это «ты» так и осталось в нашей жизни. Тем более что разница в возрасте у нас была небольшая: Володя был ровесником моего старшего брата Геннадия. Мне тогда было 14 лет, а Володе – 23 года.*

Это чуть ли не единственный случай (из тех, что мне рассказали для книги), когда знакомство с самим Высоцким произошло гораздо раньше знакомства с его творчеством. Тем интереснее будет выслушать этот рассказ...

Николай Бурляев: *Когда закончились пробы, Володя сказал: «Ты куда едешь?» Я ответил: «На улицу Горького». Он тут же оживился: «Я тоже туда!» И мы поехали вместе. В этот день, помню, мы оказались в саду «Эрмитаж». Мы прогуливались по саду, о чем-то увлеченно говорили. О чем был тот разговор – я уже даже и не помню. Но то что осталось в памяти – мы с ним зашли в кафе, он заказал бутылку шампанского и налил мне первый в жизни бокал алкоголя. Дальше мы, ожидая «приговора» Тарковского, часто виделись с Володей. Я к нему бегал в Театр имени Пушкина, где он в то время играл небольшие роли: что называется – «на выходах», с текстами типа «Кушать подано!» А я ждал моего старшего друга Володю, когда он выйдет на сцену и скажет эти свои незатейливые слова. После спек-*

такля шел к нему за кулисы, потом мы отправлялись ко мне домой – здесь же рядом, на улице Горького. Там моя мама нас вкусно кормила. Это длилось где-то три-четыре месяца. Вскоре объявили, что я утвержден на главную роль в фильме Тарковского, а Володю не пригласили в нем участвовать. Я поехал с Андреем Тарковским и съемочной группой на Украину, где планировались все наши натурные съемки. Интересно, что иногда по вечерам в номере у Андрея Тарковского собиралась теплая компания, прилетал из Москвы Андрон Кончаловский – и они вдвоем с Андреем пели под гитару блатные песни. И говорили: «Это песни Высоцкого!» Тогда я даже не мог себе представить, что автор этих песен – мой добрый и трепетный друг по имени Володя. Мне почему-то казалось, что их автором был какой-то «зэк».

Про так называемые блатные песни (точнее художественные стилизации под них) будет необходимо рассказать поподробнее. Но только в другой главе. А здесь уместно лишь привести концовку этой истории.

Николай Бурляев: *Спустя некоторое время я стал слышать записи его песен. Когда услышал его голос, стало понятно, что эти песни исполняет именно мой друг Володя. И что он и есть автор этих необычных, остроумных – иногда и с блатным оттенком, но чаще патристических и исполненных добра, любви к Отечеству – песен. В них было много про подвиги, про самопожертвование, про бесстрашие. И с годами Володя неуклонно выходил на тот уровень, который уже сейчас всеми признан: стал безусловным духовным лидером.*

Увы, просто обойти стороной расхожие обвинения Высоцкого в некоем воспевании блатняка – вряд ли получится. Слишком уж часто осторожные взрослые стремились оградить своих чад от влияния столь непонятных песен.

Лев Черняк: *Высоцкого я первый раз услышал случайно в июле 1979 года: на магнитофонной пленке у моих родственников оказались его записи. А в одиннадцать лет мне совершенно случайно предложили записать Высоцкого с пластинки, и я стал его постоянно слушать и невольно вникать в смысл его песен. А когда неосторожно произнес дома, что «Высоцкий – гений!», мои родственники стали пожимать плечами, увещевая: «Да тебя в психушку надо положить! Он же пьяница и уголовник!» Увы, в те времена – особенно на периферии, я ведь жил тогда в Брянской области, – так думали многие! Но, несмотря на все эти неприятные разговоры, я купил семиструнку и стал учиться играть.*

...Влюбленные в песни Высоцкого подростки – крайне интересная и обширная тема. Которая как минимум требует отдельной пухлой монографии. Или даже цикла тематических сборников. Из рассказов о первом свидании с творчеством Высоцкого можно даже устроить целую галерею.

Алексей Певчев: *После того как я впервые, в восемь лет, услышал Высоцкого, стал собирать и слушать его песни, просить друзей и знакомых записать их на кассеты. Мой папа был физик-ядерщик, одно время работал в Ливии. Там советские специалисты экономили на всем, чтобы только купить качественный японский магнитофон. На одной из кассет, привезенных из Ливии, были записи Высоцкого. В 1983 году мне удалось услышать французские записи Высоцкого, и это был второй шок. Я заслушивал их буквально до затирания магнитонных головок! Даже не знаю, как французские пластинки попадали в Ливию, к советским специалистам, но эти записи там были. Кассеты переписывали друг у друга и везли в Союз.*

Анатолий Сивушов: *Слушали Высоцкого все! Я его еще совсем пацаном первый раз услышал в Феодосии. Во дворе, самом обычном с самыми простыми людьми – из всех окон доносились его песни... В то время считалось абсолютно нормальным выставить на подоконник колонку – мол, вот такая у меня музыка, слушайте все. Невозможно было бы найти человека, который бы не знал, кто такой Владимир Высоцкий!*

Владимир Родионов: *С творчеством Высоцкого я познакомился, когда мне было одиннадцать лет – в 1965 году. В то время, в нашей области озорничали радиопираты: целыми днями по радио звучали его песни. Надо заметить, что и живьем – на речках, во дворах, парках – тоже много его песен пели ребята в те годы. Сам я с четырех лет играл на гармошке, потом на аккордеоне. И пел некоторые песни, что слышал на улице и по радио. Но особого восторга от них не испытывал: мол, все поют – и я пою. До тех пор, пока не услышал «Песню про нечисть». Правда, я тогда не знал еще имя исполнителя. Уже к тому времени мне было понятно значение слова «гений»: старшие сестры давали мне читать книги русских и зарубежных классиков. Прослушав впервые эту песню Владимира Высоцкого, в его же исполнении, – сразу, помню, пришло на ум это слово!*

Геннадий Николаев: *На третьем курсе режиссерского факультета ГИТИСА имени А. В. Луначарского у нас должна была состояться практика в театре. И я выбрал Театр на Таганке – исключительно потому, что там работал Высоцкий, с которым я познакомился через записи на магнитных лентах, когда мне было тринадцать лет. Так как я рос без отца, то наметил именно Владимира Высоцкого своим примером для подражания, духовным ориентиром – как это делают мальчики и юноши, ориентируясь на своего отца. Моя практика должна была закончиться в театре через полгода, но я попросил Юрия Петровича Любимова продлить ее еще на полгода – и он выполнил мою просьбу. Я захотел подольше остаться в театре именно из-за Высоцкого!*

Сколько юных жизней было промодерировано надрывным голосом Высоцкого! Призывающим не только к благородству и бесстрашию, но прежде всего – к выходу за рамки собственной ограниченности.

Илья Рубинштейн: *Высоцкий был не просто кумиром моего поколения, но еще и просветителем, непререкаемым культурным авторитетом. Он был светским проповедником. Не просто развлекал, а именно учил: пел в своих песнях и рассказывал на своих концертах такие вещи, которые, к примеру, мне, на тот момент двенадцатилетнему пареньку, просто негде было узнать. Например, слушаешь на пленке концерт Высоцкого – он рассказывает, что сыграл Гамлета. Сразу спрашиваешь родителей: «А у нас есть “Гамлет”?! И затем – в двенадцать лет! – садишься читать “Гамлета”, именно с подачи Высоцкого! На другом концерте он упоминает фамилию Енгибаров – напрягаешь родителей, те перерывают все в надежде отыскать информацию – и вот ты уже открыл для себя этого замечательного циркового артиста. Кроме своего собственного творческого мира, Высоцкий открывал еще и другие миры, доселе тебе неизвестные. И по мере того как я рос, это не заканчивалось. Узнаешь о дружбе Высоцкого с Шемякиным – и вскоре открываешь для себя авангардную живопись Ленинграда 60-х годов!*

Просветительская миссия Высоцкого – отдельный серьезный разговор. Многие общественные явления, о которых полагалось тихо помалкивать, стали достоянием магнитофонной гласности (особенно для молодого поколения) именно через его песни!

Андрей Левицкий: *Помню, когда стал чуть постарше, двое суток – почти не отрываясь! – сидел на даче и слушал песни Высоцкого, которые удалось записать: «Баньку по-белому», «Птицу Гамаюн» и другие. И для меня тогда эти песни стали откровением! Все мои сверстники заслушивались Высоцким. У нас висели его портреты. Именно портреты, а не плакаты: рисовали сами или просили того, кто лучше умеет, – с каких-то полуслепых, некачественных фотографий.*

При этом после ухода из жизни Великого барда интерес к нему со стороны «юношей бледных со взором горящим» не только не угас, но разгорелся с новой силой. Тем более что многие его песни и стихи стали гораздо доступнее: в СССР начали понемногу выходить его книги и диски.

Сергей Ерахтин: *В 1983 году я стал самостоятельно осваивать гитару – специально, чтобы петь песни Высоцкого. В седьмом классе мой классный руководитель спросила: сможет ли кто-нибудь провести классный час? На любую тему. Я сказал, что могу провести. И провел. Пел одноклассникам песни Высоцкого и рассказывал про него. Учителя была просто ошарашена! Впрочем, так же, как и большинство моих одноклассников. Потом я показал первые аккорды на гитаре нескольким мальчишкам из класса. Так и в их жизнь вошли гитара и песни Владимира Высоцкого.*

Ошарашенные школьные учителя – особый разговор. Особенно после 1987 года, когда Высоцкий посмертно получил Государственную премию СССР и уже никак не мог считаться запрещенным. С одной стороны – вроде как разрешенный поэт и исполнитель, книги которого выходят огромными тиражами. А с другой – какой-то, мол, нездоровый интерес! Почему в почитание Твардовского так не заигрываются?

Первое издание знаменитой книги Высоцкого «Нерв», вышедшей в 1981 году, в открытую продажу не поступило (его нельзя было достать даже на черном рынке!). Второе издание распространялось исключительно по магазинам «Березка», предназначенных для иностранцев и вернувшейся из заграникомандировок номенклатуры. Неудивительно, что мало какой подросток в СССР мог иметь то заветное издание. Но постепенно книги Высоцкого – и о Высоцком – начали выходить массовыми тиражами, стали доступны простым советским людям, в том числе и школьникам. Например, выпущенная в 1988 году тиражом 200 тысяч экземпляров книга «Четыре четверти пути» (а потом имевшая и четыре дополнительных тиража, еще 380 тысяч копий), разбредила многие юные души и стала своеобразным цитатником прогрессивного школьника. Неким символом подросткового протеста против косности и зашоренности официоза...

Денис Гринцевич: *Книга «Четыре четверти пути» о Высоцком – вообще стала в юности моей настольной! С ней я, можно сказать, ел, спал, ходил в школу... Она была настолько моей любимой, что иной раз я в старших классах на уроках алгебры или геометрии, вместо того чтобы решать примеры или уравнения, открыто читал ее, сидя за первой партой. Математичка смотрела в этот момент на меня возмущенным взглядом, вопрошающим: «Это что, мол, такое?» А я, соответственно, глядел на нее с ответно наглым выражением лица: «Да, я читаю о Высоцком. И что?» Такой диалог взглядами. И удивительно, что она мне не сделала ни одного замечания на этот счет, ни разу не отобрала у меня книжку, в то время как другим ученикам она за подобные вещи могла и просто по голове книжкой наступать. А может быть, она ее у меня потому и не отбирала, что это была именно книга Высоцкого?*

Но это уже были благословенные времена, когда «кто такой Высоцкий» – знал уже, пожалуй, каждый житель СССР! Так же, как и многие факты из его биографии. Но существовал период, когда Высоцкий был некоей полумифической фигурой. Фильмы с ним показывали, даже диски можно было достать, если очень постараться. Но вот каких-то особых упоминаний в прессе, по телевидению, увы, явно не доставало. Вероятно, поэтому многие почти казусные истории происходили с его юными почитателями.

Лев Черняк: *В августе 1982 года мы с бабушкой поехали к нашим дальним родственникам в Саранск. А так как дорога из Брянска в Саранск шла только через Москву, на обратном пути я решил обязательно посетить могилу Высоцкого. Узнав об этом, мордовские родственники меня заверили, что, дескать, делать там нечего: все заброшено и эту могилу ты и не найдешь даже.*

Конечно, в Москве тогда про Высоцкого знали если и не все, то очень многие! По крайней мере те, кто этого хотел. Но в далекой провинции оказывается, довольствовались исключительно слухами. А что делать: интернета еще в мире не было, по телевизору ничего не показывали, по радио – не рассказывали.

Лев Черняк: *На обратном пути, уже в Москве, мы остановились у наших столичных родственников. И чтобы мне все-таки попасть на могилу Высоцкого, бабушка их спросила: «А как нам проехать на Новодевичье кладбище?» В ответ мы услышали: «А к кому вы там собрались?» Я уточнил: «Ну как – к Высоцкому!» Нам объяснили, что могила Высоцкого – на Ваганьковском кладбище, подробно рассказали, как туда проехать. Когда мы вошли в ворота, мне показалось, что там по правую руку находится цветочный рынок, потому что увидели огромную толпу и очень много цветов – в руках и над головами. Я спросил бабушку: «Может, сразу купим цветов?» На что получил ответ: «Подожди, давай сначала хотя бы найдем саму могилу!» Уверенности в том, что наши поиски увенчаются успехом, не было никакой. И тогда мы решили спросить у прохожих, где же искать могилу Высоцкого. На что нам ответили: «Видите людей? Идите туда». И только тут я понял, что это не цветочный рынок, а огромная толпа с букетами – люди, желающие поклониться Поэту! Нам пришлось, как мне показалось, минут двадцать упорно протискиваться к могиле. А когда наконец-то подошли, то увидели, что высота горы возложенных цветов достигала моего тогдашнего роста! И еще я запомнил очень много плачущих людей. Та поездка стала самым сильным впечатлением, даже можно сказать – потрясением всей моей жизни! С того времени хотя бы раз в год я старался обязательно съездить в Москву на Ваганьково, к Высоцкому!*

Почему случались такие истории? Прежде всего, из-за того, что информации о Высоцком довольно долгое время не было практически никакой.

Алексей Певчев: *После смерти Высоцкого в прессе о нем было не так уж и много публикаций. Кажется, первая большая статья о нем, Натальи Крымовой, была напечатана в журнале «Аврора». Когда мне сказали, что такой материал вышел, я поехал за этим журналом в какой-то очень дальний московский киоск – ехать нужно было почти час!*

Благо такое положение все же закончилось. И вскоре у той же Натальи Крымовой – чьи усилия в увековечивании памяти о Владимире Высоцком трудно переоценить! – стали появляться юные помощники, с энтузиазмом подключившиеся к работе на непаханом поле высоцковедения...

Сергей Жильцов: *Когда мы с Крымовой начинали всю эту историю по поводу публикаций, в рамках комиссии по творческому наследию Высоцкого, я был еще совсем пацаном: мне было всего шестнадцать лет! А когда я познакомился с Всеволодом Абдуловым, то мне вообще было всего-то четырнадцать! Мне потом говорили, что он рассказывал: я, мол, разговариваю с Сергеем и в какой-то момент вижу, что он многое просто не воспринимает. А потом, когда я узнал, сколько ему лет, все понял.*

Удивительный факт... Уже в шестнадцать (а многие еще раньше!), сразу после получения паспорта, юные поклонники Высоцкого были в первых рядах высоцколюбов и высоцковедов!

Сергей Жильцов: *Мне сильно повезло в ранней юности попасть в ближний круг друзей Высоцкого. Например, мне много чего рассказал Всеволод Абдулов – я был хорошо с ним знаком. И мы вместе готовили ряд первых изданий Высоцкого. Рядом с нами работала и Наталья Крымова, жена Анатолия Эфроса. Она была секретарем комиссии по творческому наследию Высоцкого. После смерти Владимира Семеновича его рукописи по настоянию Марины Влади переснял и распечатал на фотобумаге Дмитрий Чижков. Один из этих экземпляров находился у Всеволода Абдулова, и поэтому нам было проще сверять какие-то непонятные моменты непосредственно по автографам.*

Усилия многочисленных инициативных групп по сохранению и изучению наследия Высоцкого не пропали даром. День ото дня множились материалы о его жизни и творчестве, готовились к печати сборники его стихов, находились редкие магнитофонные записи с его песнями.

Алексей Певчев: *Абсолютно гармонично родители и их друзья не только прониклись моим интересом, но и всячески этому способствовали. Я стал довольно быстро обрывать записями Высоцкого, газетными вырезками, переснятыми черно-белыми фото. Абсолютно нормальным было взять кассетный магнитофон и поехать к кому-нибудь чтобы переписать что-то из Высоцкого. В 1980-х годах появилось очень много самиздата о нем: ксерокопий, машинописных перепечаток. Очень мощным был выпуск газеты «Менестрель» – Клуба самодельной песни. Там сразу несколько выпусков были посвящены Высоцкому. Мне достались фотокопии этого издания. Какие там были фото, стихотворные посвящения, исследования и воспоминания!*

Уже к 90-м годам усилия энтузиастов стали давать свои плоды. Все больше и больше людей стали приобщаться к творчеству Высоцкого. Для все более широкой аудитории слушателей и читателей он становится своеобразной путевой звездой, неким глашатаем нового взгляда – на мир и на себя самого.

Максим Замшев: *Я Высоцкого, разумеется, лично не знал. Когда он умер, мне было всего шесть лет. Но все равно, для моего поколения Высоцкий – фигура почти святая! Это как раз парадоксальным образом связано с тем временем, когда Высоцкий уже не жил, с эпохой 90-х годов – временем очень сильного надрыва и определенного давления со стороны материальных ценностей на ценности иррациональные. Высоцкий – с его абсолютным иррацио, его запредельностью в песнях, попыткой разорвать сложившийся круг жизни – был очень важен для нас.*

Раз уж зашла речь об иррациональном... Интересно, что некоторые приписывают первому знакомству с творчеством Высоцкого в раннем детстве даже некие мистические обстоятельства! Мол, любовь на всю жизнь к его песням была каким-то образом, предопределена.

Денис Гринцевич: *Мое знакомство с песнями Владимира Высоцкого началось еще в детстве, причем благодаря Алле Пугачевой. Новый 1985 год, часы бьют двенадцать, и мои родители дарят мне двойную пластинку «Как тревожен этот путь», где Пугачева в числе прочих исполняет песню «Беда». Помню, я каким-то образом представил себе портрет автора этой песни, благо к тому времени я уже умел хорошо читать – как раз пошел в первый класс, – и поэтому мне ничего не стоило прочесть информацию на конверте пластинки: «музыка и слова В. Высоцкого». Мне этот автор представился так: человек в свитере, джинсах и почему-то с хриплым (!) голосом. Интересно, что до того момента я о Высоцком не знал вообще ничего! В том же году я услышал уже и голос самого Высоцкого. Это была пластинка со сказкой «Алиса в Стране чудес», где он озвучивает небольшие роли и поет несколько песен. Реальный голос совпал с тем, что представлялся мне в воображении, когда я слушал пластинку Пугачевой с его песней.*

Некоторым из моих собеседников повезло больше: пусть и при случайных обстоятельствах, но в детстве им удалось столкнуться (в том числе – и буквально!) со звездой лично. Но опыт же: обстоятельства встречи рисуются, по детским воспоминаниям, абсолютно иррациональными, насыщенными особой значимостью!

Александр Ф. Скляр: *Моя первая личная встреча с Высоцким была совершенно мистической. Помню, когда учился в третьем классе, один раз опаздывал в школу, к началу занятий. Выскочил из автобуса и побежал что было сил – там метров триста: от остановки автобуса до школы. И буквально влетел, врезался в фигуру человека... Это был Владимир Высоцкий, который тогда жил в том районе! Можно верить или не верить в судьбу, но то столкновение оказалось для меня очень символичным!*

Справедливости ради следует отметить, что чем старше были люди во время своего первого знакомства с Высоцким, тем сдержанней они его принимали. Ну, во всяком случае, без излишнего экзальтированного восторга и подросткового максимализма. Хотя и там не обошлось без восхищения!

Некоторые истории настолько интересны, что, думаю, имеет смысл привести их здесь.

Михаил Айвазян: *С 1969 по 1975 год я работал во Всесоюзной книжной палате, в отделе книгохранения. Территория была обнесена глухим забором, но внутри находился довольно симпатичный садик, где стояла беседка. В то время я часто общался с актером Феликсом Антиповым. Однажды он пришел ко мне и говорит: слушай, мы посидим у тебя тут в беседочке? И они с друзьями пошли в эту беседочку, занявшись там распиванием каких-то напитков. Тогда-то я впервые и познакомился с Высоцким. Я помню, как они все сидели, и время от времени Владимир Семенович вдруг начинал что-то петь. Самое интересное – он а капелла пытался петь, без гитары. Но, видно, как-то не очень у него получалось. Поэтому Феликс прибежал ко мне спрашивает: нет ли у нас тут где-нибудь гитары? У кого-то из молодых ребят, работающих в Книжной палате, нашли гитару и потащили ее в беседку.*

В общем, получился у Высоцкого очередной импровизированный концерт. Самое интересное, как мне потом рассказали, гитару ведь нашли шестиструнную. А Высоцкий всегда на семиструнной играл свои песни. Так что он ее как-то специально перестраивал и играл. Все молодые работники убежали в эту беседку – там уже даже не осталось сидячих мест,

народ стоял и слушал. А я, к сожалению, не мог надолго отойти, поскольку заведовал этим отделом и понимал: нужно быть на страже, ведь тут кто угодно мог прийти. Жаль, что Высоцкий с Антиповым приходили всего один раз и больше потом у нас не появлялись.

Интересная особенность: Высоцкий везде выступает как желанный гость: пришел, увидел, удивил... И никогда не обманывал ожиданий потенциальных зрителей!

Валерий Иванов-Таганский: Я познакомился с Владимиром Высоцким в 1962 году в театральном общежитии. В тот год меня переполняло счастье: я стал первокурсником Театрального училища имени Щукина. Мало того, мне еще и выделили место в знаменитом общежитии. Жили мы на Трифоновке – большой коммуной: ходили друг к другу в гости, что-то вечно обсуждали, спорили. Однажды моя сокурсница, высокая и неотразимая красавица Нила Животова, громко постучала в комнату. Взволнованным голосом сообщила: «Валера, давай быстрее сюда! К нам в гости пришел Высоцкий!» Признаюсь, но на тот момент я этого имени еще не знал. Однако волнение Нилы странным образом передалось и мне. В тот день я впервые увидел своего будущего соратника по Театру на Таганке. Он сидел, глубоко провалившись на одной из коек, вплотную к нему был придвинут небольшой журнальный столик. Видно было, что ему очень нравится Нила: он то и дело останавливался на ней тяжелый, но ласковый взгляд. Я еще, помню, тогда подумал: небольшой совсем – «с комочек» человек! – а глаза орлом! И голос, как прорвавшаяся труба. Минут через пятнадцать Нила, на правах хозяйки комнаты, стала просить Володю спеть. Высоцкий встал: он был невысоким, но складным; одет простовато, но опрятно. Что я запомнил хорошо: под светлой рубашкой у него была тельняшка, а к гитаре был приделан электрический инур. Подстроив гитару, он стал петь свои песни. Через минуту нас всех странным образом затрясло. Во-первых, головная волна летела в полутора метрах от нас и была фронтально, будто током. Но главное, видно было, как певец выкладывается. Сидел – один человек, а встал и начал петь, сразу же превратился в человека-вулкана. Казалось, под ним пол ходуном ходит! Все присутствующие были студентами одного из лучших театральных вузов страны, к этому времени накопили немало разных, в том числе и гениальных, амбиций. Но вдруг все как мышки притихли, пришибленные необычным даром этого нежданного гостя. Это была наша с ним первая встреча, и то, как Володя пел в этот день, врезалось мне в память на всю жизнь. Он был практически мой ровесник – старше всего на шесть лет – и тем не менее безоговорочно заставил меня изумиться. В молодости, как у многих молодых актеров, у меня было немало гонора, но тут меня просто шибило. «Как же здорово он поет, – подумал я, – да еще и на свои стихи!»

Высоцкий не мог не видеть, какое впечатление производит на людей. В том числе и на коллег по артистическому цеху. Но при этом, зная себе цену, никогда не зазнавался. И с готовностью ободрял коллег, если считал их творчество интересным.

Геннадий Норд: Когда Высоцкий ушел из жизни, мне уже было тридцать шесть лет, я работал далеко на севере. Но до этого я несколько лет трудился на калининградском телевидении. И вот я приехал в Калининград – это был март 1980 года, сразу позвонил старым знакомым, на телевидение. Они говорят: приходи сегодня, для тебя будет огромный сюрприз. А так как я уже считал себя состоявшимся автором – у меня же несколько книг к тому времени вышло, даже по радио крутили мои песни! – то подумал: мол, я сам для вас сюрприз, куда уж там больше! Но, естественно, пришел. Спросил: а что еще за сюрприз такой? Они говорят: подожди, сейчас будет. И вот когда зашел Владимир Семенович, то я буквально испытал настоящий шок!.. А дальше народ сидел, общался. Жаль, что не все помню, к сожалению, потому что был буквально ошарашен: я встретил человека, который стал для меня

небожителем. Мы просидели очень долго. А потом он взял гитару, сыграл, спел несколько песен. Тут кто-то из ребят ему и говорит: а у нас тут тоже сидит человек, который пишет песни. Высоцкий удивился: интересно, кто это? Тут ребята на меня показали. Я взял гитару и сыграл три песни – в том числе «Лягухи» свои знаменитые, которые потом стали неофициальным гимном российской эмиграции. Он послушал. Потом, когда я отдал гитару, он внимательно посмотрел на меня и сказал: «Пиши. Тебе надо писать!» Вот и все, что он лично мне сказал за весь вечер.

Думаю, что можно на этом пока и закончить: «вот и все», что хотелось сказать в этой главе... Дальше будет много других интересных историй, которыми с нами поделились наши эксперты.

Начало. Московская шпана

*И вот ушли романтики
Из подворотен ворами...*

В. С. Высоцкий

Считается, что довольно долго Высоцкий буквально находился в плену своего дворового, полублатного имиджа. Где-то ему это помогало – создавало некий ореол запретного, рискованного и разбитного. Где-то порядком мешало: например, в тех случаях, когда функционеры с киностудий боялись утверждать его на очередную кинороль. «Как бы чего не вышло». Хотя Высоцкий уже давно перестал писать «хулиганские» песни. Но это его не спасало от предвзятого отношения членов разного рода художественных советов. Впрочем, вряд ли они глубоко знакомились его творчеством – скорее всего, просто «что-то такое слышали». А дальше вступала в силу та самая инерция восприятия.

Но, так или иначе, первая известность к Высоцкому пришла именно после его ранних песен, стилизованных под «блатную» тематику, лирическими героями которых становилась шпана, заключенные, «честные воры» и прочие представители уголовной субкультуры.

Владимир Гугнин: *В нашем дворе, на задворках Москвы, среди пацанов ходили мифы и легенды о Высоцком, по накалу не уступающие мифам античным. Я, например, не раз слышал, что «Высоцкий сидел». А как же иначе? Ну никак не мог человек, ревущий «блатные» песни с кровавым надрывом, не сидеть! Говорили, что Высоцкого «упекли» за то, что он, мол, милиционера ножом «порезал». Также ходила молва, что Высоцкого самого «порезали» уркаганы, когда он с ними что-то там не поделил «на малине». Ударил якобы «пером» в самое сердце. Но Владимир Семенович, как настоящий супермен, выжил и «отомстил гадам». Много я слышал сказок о Высоцком, а вот о том, что он выходец из классической московской интеллигентной семьи, выпускник театрального училища и актер драматического театра, мы не знали! Да и знать не желали, если честно. Пацаны дружно считали Высоцкого криминальным элементом. То есть решительным, честным, свободным мужиком – с «фиксой» во рту и наколками по всему телу.*

Нельзя утверждать, что уголовная тематика была для Высоцкого исключительно умозрительной, привнесенной извне. Исследователи не раз отмечали, что в детстве он многое из этих блатных понятий пропустил через себя. Поэтому и знал многие реалии, о которых пел, если и не изнутри, то во всяком случае – близко, по-соседски.

Александр Чистяков: *Высоцкий – дитя войны, одно время был безотцовщиной, пока отец не забрал его к себе в Германию. Человек с хорошим образованием, но с уличным воспитанием. У него же практически рядом с домом находился Бутырский следственный изолятор. Он видел тех людей, кто носил передачи сидельцам – причем именно уголовникам, а не каким-то политическим репрессированным. Блатную романтику Высоцкий воспринял с самого детства.*

Уличное воспитание накладывало свой отпечаток на ту картину мира, которая складывалась у подростков – сверстников Высоцкого, обитателей тех самых дворов, где частично царили блатные понятия.

Сергей Жильцов: *Не забывайте, что это был Каретный, и все эти близлежащие переулки: драки уличные, стенка на стенку, борьба за лидерство и т. д. Высоцкий быстро в это дело втянулся и стал таким настоящим послевоенным москвичом.*

Тут были не обычные мальчишечьи проказы а-ля приключения Тома Сойера, а что-то посерьезнее! Но не стоит забывать, что это был и вопрос выживания в том числе. Когда Высоцкий поет: «...дерзнули из напильников делать ножи! Они воткнулись в легкие, от никотина черные...» – то остается вопрос: какова тут доля авторского вымысла? Да и есть ли он тут вообще? И если даже не видеть все воочию, то как минимум частенько слышать о подобных реалиях в своем послевоенном детстве Высоцкий точно мог!

Сергей Жильцов: *Тогда у них были компании интересные, но полукриминальные. Очень любопытную историю рассказал Вайнер: «Когда мы с Володи́ей разговаривали, он спросил: а сколько у тебя в подъезде сидело? Я ответил: почти все в подъезде сидели! На что Высоцкий говорит: у нас – то же самое!» Это чтобы было понятно, что такое Москва послевоенная.*

Однако Высоцкий не ушел в криминальный мир. (Хотя, как многие утверждают, его бы там вполне могли принять с распростертыми объятиями!) Возможно, именно тот талант, дар слова, который он в себе ощущал, просто не дал распорядиться своей судьбой таким лихим образом. Как вариант – в нем просто не хватало той озлобленности, тотального недоверия к людям и к миру. И ощущения себя волком-одиночкой, в том числе. Юный Володя Высоцкий попал в эту матерую среду уже после уроков воспитания, данных отцом-фронтовиком. Да еще – прямиком из вполне себе сытого бюргерского мирка поверженной Германии, где не было необходимости биться за место под солнцем.

Сергей Жильцов: *У Высоцкого было детство непростое: эвакуация, потом жил в Германии с отцом. Но когда он вернулся в Москву, то стал крутым – в том смысле, что у него имотки были крутые, из Германии. Он московского голода здесь и не видел, потому что там же он в воинской части жил, на полном довольствии. У него даже имелся свой аккордеон, было пианино. А сюда приехал – здесь вся дворовая шпана бежит чуть ли не босиком в центре Москвы: война только прошла, и неоткуда было взять хорошие вещи. Хотя и голод, и нужда все-таки его затронули, когда он в Москве с матерью жил, – потому что очень непросто было в то время сводить концы с концами. Но при этом рассказывают: когда мать Высоцкого жарила котлеты на противне, то он бегал во двор: выносил и раздавал всем детям. Это не происходило, конечно, каждый день. Но по возможности он их подкармливал, потому что понимал: дети просто не доедают!*

Вот так – какой уж тут блатной мир, когда ведешь себя чуть ли не как мать Тереза! Но, с другой стороны, от нравов улицы, от окружающей его воровской романтики тоже не особо спрячешься. Оставалось одно: наблюдать, по возможности не выбиваться, не становиться белой вороной. Но и не терять себя, конечно. Как мы увидим дальше, сохранение своего внутреннего стержня, верность своей стезе и лире – это определяло всю жизнь Высоцкого!

Алексей Певчев: *Послевоенное московское поколение – это вообще особая тема. И интерес к криминальной романтике – тоже. Очень многие в то время имели и непосредственно криминальный опыт. Вспомним песню Высоцкого «Баллада о детстве» – там очень хорошо все это отображено. Соответственно, в подобных условиях нужно было выживать, а в каких-то случаях – даже пытаться интегрироваться в ту среду. При этом не обязательно ста-*

новиться ее частью. Но не запечатлеть атмосферу блатной романтики, вкрапленную в конкретное время, для такого большого мастера слова, как Высоцкий, было бы глупо. Тем более что он сам был непосредственным свидетелем этой эпохи и отлично знал все ее реалии.

Блатная романтика вообще могла считаться некой альтернативой скучной официальной казенщине. Да, отовсюду пропагандировали трудовые подвиги героев-полярников, летчиков, геологов и шахтеров-стахановцев. Но едва ли этих героических личностей можно было вот так запросто застать в простых московских дворах! Они красовались где-то там: в кадрах кинохроники, на трибунах съездов. Думаю, если бы условный арктический летчик с орденом Ленина на груди собирал во дворе пацанов и рассказывал про геройские будни Заполярья может, гораздо реже получалось бы так, как пел Высоцкий годы спустя:

*Сперва играли в фантики в пристенок с крохоборами,
И вот ушли романтики из подворотен ворами...*

Летчиков на все подворотни не хватало! Да, видимо, и не особо они туда стремились... А вот крохоборов, мелкой шпаны разного рода, играющей с пацанами в ножички или в пристенок на деньги в послевоенной Москве водилось с лихвой!

Геннадий Норд: *Милиция сразу после войны, в 1946–1947 годах, в Москве отчаянно пыталась совладать с разросшейся преступностью, но воровское начало было, увы, возведено широкими пацанскими массами чуть ли не в доблесть. А Высоцкий воспитывался во дворе именно в то время!*

Картинно-лубочные примеры нового советского человека, который неуклонно следует принципам социалистического общежития в голодной послевоенной Москве воспринимались несколько со скрипом. Гораздо активнее в ходу были «понятия» – некий негласный кодекс криминальной субкультуры.

Григорий Потоцкий: *В советское время литературу преподавали неплохо, но это была именно пролетарская литература, соцреализм. Мировые нравственно-назидательные произведения, особенно с христианскими мотивами, были под спудом. Советскому человеку надо было заново понимать, что такое честь, личное достоинство, – и «моральный кодекс строителя коммунизма» едва ли мог с этим справиться! Поэтому, как ни парадоксально, может быть, те люди, которые жили в то время «по понятиям», – они и были тогда самыми порядочными. Как минимум, не кривили душой и не приспособливались! И с ними можно было иметь дело: они презирали подлость, трусость, малодушие, неискренность, конформизм. Были открытыми, честными, верными данному слову. Может быть, именно поэтому Высоцкий в своих ранних песнях и выражал философию этих людей. Такое впечатление, что другого способа борьбы с той косной чиновничьей средой, которая властвовала тогда в культуре, с этим всеобщим лицемерием, просто не было.*

Если думаете, что известный скульптор Потоцкий имеет в виду «понятия социалистического коллективизма» или еще что-то подобное, то спешу вас разочаровать. Речь идет именно о так называемых «криминальных понятиях»!

Григорий Потоцкий: *Когда я учился в пятом классе, то думал: кем же хочу стать? Решил для себя так: если у меня откроется на то талант, буду художником! А если нет, то уйду в криминальную среду, стану бандитом. Хотя я никогда не дрался, не слыл хулиганом.*

Спросите – почему такой странный выбор? Просто я считал, что только вольные художники и бандиты являются свободными людьми. Остальные – все несвободны!

Возможно, именно желание этой самой «свободы» побудило Высоцкого не избегать криминальной романтики, а по возможности ее пристально изучать, фиксировать в своем творческом видении мира.

Детское восприятие многих явлений – в том числе драки «стенка на стенку», умение защитить себя и друзей, и все прочие «законы» городской шпаны – очень яркое. И у большинства людей оно лишь несколько тускнеет, но никогда полностью не уходит с течением лет. Можно вспомнить «компании на Большом Каретном», о которых у Высоцкого-юноши остались романтические воспоминания и «бедовые» строчки: «Где твои семнадцать лет?.. А где твой черный пистолет?..» Можно – другие компании, где остался этот незыблемый принцип московской шпаны: «свои-чужие».

Сергей Жильцов: *После Большого Каретного были компании у Елифанцева. То есть Высоцкий все время по дворовому принципу кучковался. И даже когда он попал в театр к Любимову, то у них там тоже сложилась подобная компания из нескольких человек: Смирнов, Золотухин, Кошман, Елифанцев... Они все время вместе держались! Высоцкий – человек коллективный. Я думаю, что он не изменился в этом смысле к концу жизни. У него все это осталось именно из детства – когда складывался определенный уличный круг. Который не подразумевает эгоизма всякого, снобизма, обмана друзей и так далее.*

Важно, что дворовое воспитание в обязательном порядке подразумевало некую отвагу, силу духа – не на словах, а реальную. Необходимость действия, доказывающего, кто ты есть по жизни, чего ты реально стоишь. В какой-то мере это не могло не отразиться и на общем мироощущении молодого Высоцкого.

Геннадий Норд: *Высоцкий был маленького роста, довольно щуплый – в той же компании мальчишек должен был все время доказывать собственную доблесть, силу, смелость. У меня ведь в этом плане – все то же самое было. С детства у меня очки – поэтому и дразнили «очкариком», считали, что я не способен подраться или в футбол поиграть. И мне приходилось и во дворе, и в школе всем постоянно доказывать обратное! Если, допустим, кто-то обижал девочку, то я мог, даже не будучи с ней знаком, вступить за нее и отчаянно полезть в драку. И даже не из-за того, что мне стало жалко эту девочку, а просто чтобы доказать всем – и себе самому прежде всего, – что я не трус, не хлюпик, не «очкарик»!*

Высоцкому, возможно, по молодости тоже хотелось доказать многое: и себе, и окружающим. Он, по воспоминаниям, всегда являлся неформальным лидером. А тут – для дворовой-то компании! – не только физическую силу нужно иметь. Которую, кстати, он в себе неуклонно развивал: очень многие отмечают его удивительную физическую форму.

Валерий Иванов-Таганский: *Среди актеров Театра на Таганке у Высоцкого была чуть ли не самая лучшая физическая подготовка: он был таким крепышом – жилистым и сбитым. Легко отжимался от пола 40 раз, даже мог сделать стойку на одной руке, что далеко не каждому спортсмену под силу!*

Но одной физической силы для безусловного лидерства было явно недостаточно. Требовалась еще и некая психическая сила, если так можно назвать тот моральный авторитет, что зарабатывал юный Володя Высоцкий среди своих друзей.

Сергей Казначеев: *Я думаю, в своих ранних произведениях Высоцкий выражал некую хулиганскую идею этих полукриминальных понятий – причем вполне сознательно. Отчасти сказывались и личные комплексы: малый рост, непрезентабельная – чего уж скрывать! – внешность, сипатый голос. Со временем к его хриплому крику привыкли. Эта манера исполнения даже стала очень модной!*

Но, думаю, со временем Высоцкого даже больше начала заботить не выправка собственного имиджа, а чисто художественные задачи. Тематика, которую он отображал в своих ранних песнях, помогала ему создать совершенно новый психологический тип лирического героя: этого настоящего рыцаря, борца за правду и справедливость. И при этом – начисто лишённого сусальной правильности, коей так любила награждать разного рода примерных передовиков производства официальная пропаганда того времени.

Дмитрий Дарин: *Высоцкий в интервью не раз говорил: «Меня интересует характер цельный, на грани!» От себя так и хочется здесь добавить: «...характер, проявляемый или на войне, или в тюрьме». А где еще проявляется подобный характер – чтобы именно так: на грани? И тут Высоцкий как большой художник абсолютно прав и убедителен!*

В определенной степени Высоцкий являлся свидетелем описываемых ситуаций, общался с представителями этой приклатенной среды. Но тут важно отметить, что в данную социальную среду он не окунался сам, являясь именно бесстрастным летописцем, а не непосредственным участником.

Олег Черемных: *Высоцкого нередко отождествляют с блатным миром, что не имеет под собой оснований. Среди многочисленных приятелей, а уж тем паче близких друзей Высоцкого не было блатных – в привычном понимании. В этой связи можно было бы упомянуть лишь одного Вадима Туманова. Но он в свое время сидел по 58-й статье, по политической, – а это уже совсем другая история! И тут важно, что обращение к блатной романтике было возможно и в советской официальной культуре. Вспомним хотя бы Кольку Свиста из фильма «Путевка в жизнь» или героя Марка Бернеса из фильма «Два бойца».*

При этом многие отмечают, что Высоцкому для отображения неподцензурных тем – столь непростых во времена СССР! – не нужно было влезать в чужую шкуру, заниматься допущениями и фантазиями. И что существовал некий круг людей, кто мог ему поведать о лагерных и криминальных буднях: непосредственно из первых уст.

Алексей Певчев: *Мне кажется, что блатная тема в творчестве Высоцкого очень органична. В своих стилизациях под блатную романтику Высоцкий вычленил некие жесткие ситуации, в которых проявлялся сильный мужской характер. С подобными ситуациями он был знаком не только по своему детству московской ишпаны, не раз сталкиваясь с ними позже. Например, после знакомства с золотоискателем Тумановым, бравшим к себе в бригаду, на прииски, тех, кто имел за плечами лагерный опыт. На приисках работали лютые мужики, многие из них как раз жили «по понятиям». Но и здесь в почете были мужество, честь, хладнокровие, сила воли и умение выстоять в самых суровых ситуациях. Сюжеты для своих песен Высоцкий мог почерпнуть из рассказов этих людей, когда ездил к Туманову, пел для них.*

Высоцкий по своей натуре был, конечно, лихим мужиком: веселым, бесшабашным, рискованным. Поэтому и любил таких же лихих людей: думаю, они привлекали его своей внутренней раскованностью, залихватским отношением к жизни. При этом важно, что Высоцкий своим

лирическим героям, даже связанным с криминальными историями, не дает оценочных суждений и не делит их на отрицательных и положительных. Это просто мощное беспристрастное бытописание, а делать выводы Высоцкий предоставлял непосредственно своему слушателю.

Современные литературные критики, увы, не пришли к консенсусу: как воспринимать блатные песни Высоцкого в контексте его творческого наследия. С одной стороны, подобное вполне ложится в общую канву традиций русской литературы...

Сергей Казначеев: *Очевидно, что на стилистику и содержание блатных сочинений Высоцкого отчасти повлияли озорные стихи Пушкина, сатира А. К. Толстого, Козьма Прутков и кабацкая цыганищина. Те же Есенин, Блок, а также Маяковский и обэриуты. Но еще в большей степени, думаю, Высоцкий шел именно от фольклорных корней: от былинного эпоса, раешного стиха и лубка – до заливчатских хулиганистых частушек «с перцем». Так что Владимир Высоцкий был, конечно, составной частью русской поэтической традиции.*

...С другой стороны, порой литературные критики отказывают ранним песням Высоцкого, из лихого цикла, в особой художественной ценности. Дескать, создавались подобные вещи исключительно как некое баловство (вспомним те же юнкерские вирши М. Ю. Лермонтова). И потому-де предназначались лишь для узкой категории слушателей.

Станислав Куняев: *Российские интеллигенты, а особенно – столичные, нередко выдавали себя за выходцев из народа. Любили баловаться блатной фней, играть роли блатных персонажей: «За восемь бед один ответ // В тюрьме есть тоже лазарет», «Я был душой дурного общества», «Рыжая шалава, что ж ты натворила» и так далее. Все это привлекало подростков 60-х годов. Но вечно быть подростком – смешно и глупо.*

Тут можно возразить: вечно муссировать подобную тематику Высоцкий и не собирался. Чуть позже он уже стал находить сильные характеры и пиковые психологические ситуации для своих героев – в той же военной песне. И тут важно отметить, что этот блатной цикл писался как бы по некоему алгоритму житейского благородства, по которому затем создавались и песни военного цикла.

Николай Бурляев: *У Володи Высоцкого нигде нет пошлости: везде – даже в озорных его текстах, исполненных особого юмора! – идет чистая нота его души. Он просто не мог писать похабищину! И даже когда он писал приблатненные песни, подстраиваясь под дух уходящего времени, то все равно каждый его текст исполнен очень высоких категорий: преданности к Отечеству, самопожертвования, дружбы, любви!*

Интересно, а почему Высоцкий именно подобный, приблатненный репертуар выбрал для своего дебюта в качестве автора-исполнителя? Да, тяжелое дворовое детство. Но ведь Высоцкий не в детстве же взял в руки гитару! В послевоенной Москве, еще будучи пацаном, он овладел явно не теми музыкальными инструментами, что ассоциировались со шпаной. Скорее классическими – аккордеон, пианино... Гитара появилась много позже, уже во времена его студенчества.

Сергей Жильцов: *Высоцкий стал играть на гитаре довольно поздно – когда учился в Школе-студии МХАТ. А большим ценителем и собирателем блатных песен являлся Андрей Донатович Синявский – его педагог по литературе. И его многочисленные ученики волокли ему весь фольклор, который узнавали. И что-то даже Синявский записал на пленку. Слава богу,*

это сохранилось! Сам Высоцкий про свои самые первые песни, так называемые блатные, дворовые, всегда говорил, что это именно стилизация. На концертах объявлял: «Песня-пародия на блатные песни». А знал он их великое множество.

Возникает вопрос: откуда знал? Да еще и так много? Вот тут-то и вспомним ту самую городскую шпану и романтизацию в ее среде блатного житья-бытья. Но кроме подросткового периода, с его увлечением уличной романтикой, и гораздо позже Высоцкому попадали в руки образцы той самой лагерной лирики. В том числе и при довольно мистических, если так можно выразиться, обстоятельствах.

Сергей Жильцов: *Откуда брались все эти блатные песни? Кто-то передавал, самодеятельные песенники какие-то по рукам ходили. Владимир Акимов, одноклассник Высоцкого, мне рассказывал: мы, говорит, с Володей поехали как-то в Химки купаться. Это же тогда был совсем глухой район! И нашли прямо на берегу, под бревном, от руки написанную тетрадку: песенник, составленный целиком из блатных песен. Это было еще в середине пятидесятых. И там были какие-то тексты: «там сидит вор, бандит, весь наколкой покрыт, спать ложится на голые нары» и все такое. И нам многое было непонятно, но при этом – в высшей степени удивительно...*

Обращение к блатной теме в силу ее запретности в те годы являлось определенной смелостью, этаким культурным лихачеством. Многие представители интеллигенции позволяли себе заигрывать с данной полузапретной субкультурой. Соответственно, Высоцкий сталкивался с интересом к блатному репертуару не только в компании бывших дворовых друзей, но и в домах известных деятелей культуры.

Сергей Жильцов: *Откуда еще блатной репертуар прибавлялся? Сохранились записи Кочаряна, сделанные на Большом Каретном – там не только Высоцкий поет, но и Стриженков, и Мордюкова, и Гладков тот же. И все показывают какие-то новые песни – те, что им попались где-то. Например, звучит песня «Здравствуйте! Мое почтение». И мы видим, что Высоцкий буквально снял с кальку с исполнения Юрия Гладкова. Олег Стриженков спел «Шнырит урка в ширме у майданика», а Высоцкий потом всю жизнь – но тоже лишь в узких домашних компаниях – пел эту песню, с теми же точно интонациями, которые услышал когда-то в компании Льва Кочаряна.*

Думаю, Высоцкий не мог не замечать, что создаваемые им вольные песни находят широкий отклик. А та тема, что он использует – добавляет ореола запретности. Его популярность становится неформальной, причем – с определенным эпатажем. Что сразу же выделяет его из среды условных молодых романтиков, пытавшихся сочинять некие самодеятельные романсы про рассветы-закаты и встречи-расставания.

Дмитрий Дарин: *Блатная лирика Высоцкого – особая тема. Именно потому, что, как известно, запретный плод всегда привлекает! Может даже, в этом плане и был особый расчет. Да и потом – в СССР тогда сидели или уже отсидели многие миллионы. Это была своя, отдельная жизнь!*

Анатолий Сивушов: *После появления первых песен Высоцкого его имя было покрыто массой слухов: мол, он – матерый уголовник, свои песни пишет в тюрьме... Честно говоря, я до сих пор думаю – с позиции испорченного шоу-бизнесом человека сегодняшнего дня, – не были ли это продуманный пиар-ход с его стороны: специально запустить вот такой слух... Хотя,*

возвращаясь в то время, я сомневаюсь в этом, так как тогда не было еще такого понятия, как пиар. Просто первые его песни были блатные, а голос – таким необычным, хриплым. И все это сильно подкрепляло интерес к его персоне!

Даже не важно, был расчет осознанным или все вышло само собой. Интересно то, что Высоцкому поверили. И действительно стали считать чуть ли воспевателем криминала. Те же самые представители данной субкультуры...

Геннадий Норд: *Широко известна история, которая произошла с Высоцким в Сочи. Он там выступал на гастролях, а его номер обокрали. Забрали джинсы, куртку, магнитофон, гитару. Все унесли! Высоцкий пошел писать заявление в милицию. Его там продержали часа три, пока он писал объяснительную, пока подробно описывал похищенные вещи. А как вернулся в номер – на кровати лежало все украденное. И рядом записка: «Владимир Семенович, извините, мы не знали, у кого мы воруем. К сожалению, джинсы уже успели продать, остальное – все возвращаем». Представляешь, какая популярность, что даже воры вернули ему все!*

В этом эпизоде интересна такая деталь: Высоцкий пошел писать заявление в милицию. А ведь по понятиям – этого как раз делать было категорически нельзя. Приведенный пример очень наглядно показывает, что для Высоцкого криминальная романтика, ее жесткие законы, понятия и прочие условности воспринимались исключительно с позиций автора художественного произведения. Он не описывал блатной мир изнутри, из себя – исключительно извне, со стороны.

Максим Замшев: *Часто говорят, что Высоцкий романтизировал уголовные реалии – но он вообще к блатным никакого отношения не имел! Да, было в его песнях ощущение дворового детства – он вырос в этом: улица, шпана... Но это не блатной фольклор. Конечно, изучая жизнь, литератор хочет узнать все социальные группы, в том числе так называемых сидельцев. Но здесь совсем другая, совершенно книжная история!*

Впрочем, сами криминальные элементы, видимо, не особо обращали внимания, что Высоцкий ведет себя не по понятиям, например пришел «писать заяву в ментовку». В его песнях была такая доля проникновенности, такой артистизм – помноженные на действительно удивительный талант, – что авторы дворовых и лагерных песен упорно принимали за своего!

Владимир Крупин: *Мне рассказывал офицер МВД, который в 1980 году охранял тюрьмы, что в день похорон Высоцкого в тюрьмах и лагерях происходило ритуальное сожжение гитар: так зэки отдавали дань памяти народному барду. В его песнях порой были и блатные мотивы, вот они его и считали за своего: вроде, он их парень, дерзкий. Вспомним его строки: «Это был воскресный день, но мусора не отдыхают!...» А у него же много подобного было!*

И даже не столь важно, относится данное свидетельство к области мифа или так и было на самом деле. Главное, что подобные истории широко ходили в тогдашнем СССР. И никто не заявлял: «Нет, такого категорически не могло быть!» Скорее наоборот, очень популярно было мнение: «зэки Высоцкого очень уважают!»

...Но если рассматривать сейчас данный период творчества Владимира Семеновича исключительно с художественных позиций, то нельзя не отметить, что этап блатняка был очень важен для автора. И не случайно он от него никогда не отрекся, как часто бывает с разного рода юношескими, незрелыми работами.

Денис Гринцевич: *В начале творческого пути у Высоцкого был цикл дворовых, блатных песен. Перейдя на темы более серьезные, достигнув уже пика в своем творчестве, он все равно от этого блатного периода не отрекся. А наоборот, всегда говорил, что написанием этих песен он хотел не только усовершенствоваться как поэт, но и стремился, чтобы эти песни как можно глубже запали в души слушателей. Сочиняя песни в этом жанре и хорошо зная эту тему от своих знакомых, он, тем не менее, строго соблюдал грань, позволяющую ему не опуститься ниже должного уровня.*

И тут важно уточнить, что не стоит как принижать значение данного тематического цикла, так и придавать ему излишнюю значимость. Все-таки, если рассмотреть продолжительность увлечения этой тематикой, то она не так уж и велика. Первую блатную песню – «Татуировки» – Высоцкий написал в середине 1961 года. А уже осенью 1964-го как бы подытожил данный хулиганский цикл, записав на магнитофонную пленку все, что сочинил к тому моменту. Последние произведения на данную тему исследователи относят к 1965 году. После этого новых песен в данном ключе Высоцкий уже не писал. Хотя и исполнял порой отдельные вещи этого ряда на своих выступлениях. Особенно в узком кругу.

Вот все, что касается временного интервала увлечения дворовыми песнями. Относительно их количества – тут тоже видим, что произведений с подобной направленностью у Высоцкого сравнительно немного. Из порядка пятисот авторских песен – блатных насчитывается лишь около пятидесяти, то есть не более десяти процентов. Думаю, это тоже показательно.

А главное – Владимир Семенович искал «сильные мужские характеры» в полукриминальных кругах лишь до того момента, как не нашел другие их источники. Вспомним: последнюю «блатную» песню Высоцкий создал в 1965 году. А уже в 1966-м, начав сниматься в фильме «Вертикаль», он примерял на себя уже совсем других лирических героев – бесстрашных альпинистов. С иными, если можно так выразиться, идеалами и жизненными понятиями.

И именно с песен «горного цикла» началась поистине всенародная известность Владимира Высоцкого – как минимум в масштабе бывшего Советского Союза. Впрочем, об этом – в следующей главе...

«Вертикаль» первого успеха

*Как вечным огнем, сверкает днем
Вершина изумрудным льдом,
Которую ты так и не покорил*

В. С. Высоцкий

Довольно распространено мнение, что первых своих слушателей и почитателей Владимир Высоцкий обрел после своих талантливых стилизаций под «блатные песни». Получил устойчивый «бедовый» имидж, который, увы, для многих чиновников того времени (особенно из числа «официоза от культуры») так и не выветрился с годами.

Но «полукриминальная романтика» в советские годы все же подразумевала исключительно подпольное ее существование: как исполнение, так и прослушивание. Тогда привычная ситуация наших дней: с «Радио Шансон», на всю катушку завывающее в маршрутке что-нибудь про гоп-стоп и лагерную жизнь – была просто немыслима. Бдительные граждане сразу могли сообщить кому нужно. Поэтому «дворовые» песни Высоцкого слушали исключительно в закрытом кругу – на кухнях, дачах, где-нибудь в палатках геологической партии или артели золотодобытчиков.

Лариса Лузина: *Мимолетное общение с Высоцким во времена его приходов в общежитие я не считаю. Просто мы, студенты и студентки ВГИКа, слушали его песни, он там что-то такое пел. Но к нам много кто приходил из певцов, уже в то время знаменитых. Например, Муслим Магомаев приходил в общежитие – поэтому я как-то тогда особо и не обращала внимания на Володю. Тем более что те его песни не очень-то и воспринимала, не особенно слушала: они были все немного «приблатненными». Это были его самые ранние песни. А вот на съемках фильма «Вертикаль» мы с ним познакомились ближе. И там Володя раскрылся с другой стороны. Хотя для нас он не был кумиром каким-то: мы просто знали, что он певец, сочинитель – поет свои песни. Станислав Сергеевич Говорухин его уже хорошо знал, уже с ним дружил, поэтому он и взял его сниматься в эту картину. Для этого фильма ему нужен был Высоцкий.*

Нужно признать, что действительно всенародная (и всесоюзная!) известность к Высоцкому пришла именно с «альпинистских» песен, исполненных им в фильме «Вертикаль». Песни не только зазвучали с киноэкрана, но и передавались по радио, выходили на пластинках. И стали своеобразным «легитимным» пропуском в мир советских масс-медиа.

Фильм стал воистину звездным для молодого актера Высоцкого. И именно с него и начала восходить звезда Высоцкого-барда.

Лариса Лузина: *Станиславу Сергеевичу Говорухину дали этот сценарий – фильма про горы – поскольку он имел второй разряд по альпинизму. И, как говорится, хорошо знал тему. Правда предложенный сценарий ему сразу не понравился: первоначально фильм назывался «Одержимый». И они с Борисом Дуровым, вторым режиссером фильма, кардинально переделали весь предложенный сценарий. Хотя намного лучше от этого он все равно не стал. Если честно, даже в окончательном виде сценарий был очень слабый. Да и фильм сам по себе – не ахти какой! Поэтому, наверное, так был нужен в нем Высоцкий! Говорухин знал многие песни Володи: ему хотелось, чтобы Высоцкий у него снимался. Но, насколько знаю, студия*

запретила снимать Владимира Семеновича, так как именно в те годы он как раз находился под негласным запретом.

Интересно, что как раз вот этот негласный запрет и был снят фильмом «Вертикаль». После этой кинокартины Высоцкого стали отождествлять не с «блатным», а с совершенно с другим репертуаром. Впрочем, не все. Иногда его стилизации про «мужественных ребят» с ледорубами и рюкзаками – все равно (до сих пор!) держат в разряде чуть ли не «блатных понятий»!

Константин Кедров: *Очень мне не нравится песня Высоцкого: «Парня в горы тyani... там поймешь, кто такой». Там начинается этот жесткий испытательный срок и все такое. Жуткая, почти фашистская песня. Это опять какие-то дворовые, даже блатные инициации: «Если ты пацан – докажи! Или ты будешь отвергнут, станешь “опущенным”».*

Хотя подобная точка зрения – скорее исключение. Ее придерживаются те, кто против перевоспитания личности, какой бы она не оказалась изначально. Мол, необходимо принимать человека таким, каким он хочет быть. Во что бы то ни стало!

Но для подавляющего большинства зрителей и слушателей, из хулигана-блатаря, поющего «политически сомнительные» песни, Высоцкий в одночасье превратился в символ мужественной, проникновенной, а главное – «правильной» советской романтики. В восторженного героя-альпиниста, уверяющего, что «лучше гор могут быть только горы». Хотя это и произошло не без помощи режиссера Говорухина, не отступающего от своего видения творческой задачи.

Лариса Лузина: *Мы начали работать над «Вертикалью» в 1966 году. Высоцкий к этому времени уже начал где-то сниматься, хотя и очень понемногу. Уже работал в Театре на Таганке. Но публичные выступления ему тогда еще не разрешали проводить: он считался персоной нон-грата. К этому фильму у нас никаких кинопроб не было: Говорухин нас брал без них – всех, кого решил снимать. Но когда Говорухин назвал всех актеров, кого хотел бы видеть в фильме, директор студии отозвался категорично: нам, мол, не нужен твой Высоцкий! Это-де головная боль, обойдемся без него! Но Говорухин – человек в хорошем смысле «упертый». Его так просто не заставишь изменить свое решение. Он сказал: как хотите, я тогда вообще не буду снимать эту картину!*

И тут сработал элемент удачи, тот самый счастливый случай. Могли бы ведь и вообще убрать Говорухина с режиссерского капитанского мостика. Но получилось – как получилось: за что поклонники Высоцкого до сих пор готовы благодарить счастливую планиду любимого певца и актера.

Лариса Лузина: *В советские годы киностудия должна была выполнять план: определенное количество фильмов нужно было обязательно снять в календарный год. Если план не выполняли, что-то снимали из уже утвержденных ранее планов, деньги какие-то урезали, уменьшали общий бюджет киностудии. А это как раз была последняя картина, которую нужно было снять обязательно, чтобы киностудия выполнила план. И тут Говорухин категорично заявляет: без Высоцкого я не буду снимать! Поскольку руководству студии этот фильм был просто позарез необходим, они сдались: хорошо, пусть снимается Владимир Высоцкий, только чтобы не было ни одной песни! Говорухин понял, что все равно их в конце концов переиграет, поэтому с готовностью согласился: «Ладно, не будет его песен!» Так Володя Высоцкий и попал в картину.*

А дальше – события стали происходить максимально благоприятно для включения песен Высоцкого в готовящуюся кинокартину. Чисто гипотетически: взялся бы Говорухин снимать фильм о дружном экипаже рыболовецкого траулера, мы бы и песни «на выходе» получили бы от Высоцкого совсем другие. Конечно, не «Ты морячка – я моряк, Ты рыбака – я рыбак». Уверен, что-то гораздо более проникновенное. Только уже не про горы, а, скажем, про соленые брызги да крепкие снасти.

А тут – Высоцкий целиком окунулся в новую для себя среду! Ведь чтобы попасть «в десятку», чтобы песни органично «легли» в фильм об альпинистах – ему нужно было создать не «нечто на горные мотивы», а непосредственно что-то, идущее от духа гор: песни из самой сердцевины альпинистской темы, чтобы люди, живущие от восхождения до восхождения, восприняли их своими.

Лариса Лукина: *Мы снимались в фильме целых пять месяцев. Причем непосредственно в горах: Кабардино-Балкария, Баксанское ущелье. Рядом был Эльбрус, гора Ужба. Жили мы в гостинице «Иткол» – она находилась на большой высоте и предназначалась в основном для горнолыжников и скалолазов.*

Итак, необходимый антураж имеется. Все необходимое для вдохновения располагается вокруг: снизу, сверху, сбоку... Осталось лишь получить всю сопутствующую информацию: чтобы не быть голословным, не надумывать да додумывать.

Лариса Лукина: *У нас на съемках «Вертикали» очень известные альпинисты работали – Елисеев, Кахиани, Маргиани, Абалаков. Все – заслуженные мастера спорта. Они и снимались в нашей картине, и были нашими консультантами. Конечно, мы все находились в общей компании – и актеры, и скалолазы. А Володя очень любознательный был, всем интересовался! Всегда расспрашивал какие-то нюансы об альпинизме: как что называется, как снаряжение используется.*

Важно, что Высоцкий не просто хотел получить некий информационный массив, который можно бы было затем переплавить в песни. Подход известный, хотя больше чисто журналистский: накидал антуража да экзотики, желательно с профессиональными терминами, причесал, облек в некую удобоваримую форму – и вперед! Тут же у Высоцкого стояла совсем иная задача, которую традиционно ставят перед собой актеры: вжиться в тему, максимально точно ее прочувствовать, прожить ее, пропустить через себя. Поэтому так и интересовали Высоцкого все нюансы этого нового для него, альпинистского мира. В том числе – даже те, что не могли по ряду причин быть использованы при написании песен.

Лариса Лукина: *Я сама слышала, как эти ребята, альпинисты, рассказывали Володе, например, такую историю. Они шли на очень сложное восхождение, и у них сорвалась девочка – упала на скалу, ее не смогли удержать. И тело разрезало почти напополам. Они много ему таких жутких историй рассказывали. Но многое из того, что они говорили, я не слышала – они с одним Володей беседовали. Не то чтобы от меня что-то скрывали! Но я просто не могла сидеть ночами напролет и все это выслушивать. Мне как-то и не нужно это тогда было. А вот Володе все это было дико интересно! Почему он всю эту романтику альпинистов очень точно ощущал? Почему, например, «Песня о друге» возникла? Думаю, потому, что в тех рассказах как раз было то самое важное, что крепко связывает ребят-альпинистов, а именно – дружба. Когда они в горах находятся, друг за друга готовы жизнь отдать!*

Да, песни для фильма получились жизнеутверждающими. Но для этого Высоцкий должен был «пропустить» через себя много трагического – не только рассказы о радости покорения вершин, но и о горечи потери друзей, нашедших в горах свой последний скорбный приют.

Лариса Лузина: *Помню, альпинисты из нашей съемочной группы помогли спустить своего погибшего товарища. Там еще были пострадавшие. Это на наших глазах все происходило, на большой высоте – около четырех тысяч метров. Мы как-то занимались репетициями, а тут сверху спускаются два очень расстроенных парня-альпиниста. Они видят, что у нас экипировка альпинистская, спрашивают: «Вы альпинисты?» Мы отвечаем: «Нет, мы артисты. Мы кино снимаем». Тут Володя спрашивает: «Ребята, а что случилось-то?» Отвечают: пошли на восхождение четыре человека из клуба «Спартак». Вершину они, мол, не успели взять до ночи. А ночью по инструкции нельзя восхождение продолжать, поэтому и решили заночевать. Специальные металлические костыли вбили в скалу, привязались веревками – и вот в таком висячем положении ждали, как начнет рассветать. А тут начался камнепад. Одного альпиниста убило насмерть, еще двое – сильно пострадали. Хорошо, что у них с другой группой была радиосвязь! Они с ней связались, а те дали сообщение в лагерь «Шхельда», где находятся спасатели. Но пока еще спасатели поднимутся... Так вот эти ребята, как раз и были из той группы, с кем успели связаться попавшие под камнепад альпинисты. Мы были от пострадавших недалеко, поэтому наши ребята и не стали ждать спасателей. Саша Фадеев, Гена Воропаев, Володя Высоцкий, Станислав Сергеевич Говорухин, даже оператор Алик Осипов – все пошли. И помогли спустить пострадавших ребят в лагерь.*

Думаю, что поведенная партнершей по фильму история как раз и доказывает, что для Высоцкого альпинистская тема была не просто дежурной стилизацией, пусть даже и вполне удачной. Ведь не по рассказам абстрактным его песни писались – а с соленым потом и кровавыми мозолями на свет появлялись!

Лариса Лузина: *Целый месяц мы жили так, как живут в горах альпинисты: на леднике, в палатках. Естественно, мы там и тренировались, и репетировали. Поэтому и приходилось делать все, что делали настоящие альпинисты. Даже нам с Володей: хотя он играл радиста, а я – врача. Но нужно было уметь носить рюкзаки, «зарубаться» ледорубом: ведь мы были на этой большой высоте – вместе со всеми! Мы не могли же где-то в гостинице отсиживаться!*

Отсидеться в гостинице никому бы не позволил требовательный режиссер Говорухин. Даже своему другу Владимиру Высоцкому. Днем – работа со съемочной группой: тренировки со снаряжением, репетиции, прогоны, дубли, съемки. Вечером – после столь насыщенной дневной программы, по идее, ранний отбой и здоровый сон. Но это только по идее...

Лариса Лузина: *Вся съемочная группа очень сдружилась, потому что мы жили в достаточно спартанских условиях. После одиннадцати часов вечера в гостинице был строгий режим: нельзя было выходить из своих номеров. Даже свет специально везде гасили. Но это было очень забавно, потому что все равно все ползали по балконам – перелезали из номера в номер. Если выйти вечером, после одиннадцати, и со стороны посмотреть – то там буквально шевелилась вся стена! А потом всю ночь сидели в номерах и разговаривали. Володя Высоцкий все ночи напролет просиживал с альпинистами: они ему рассказали столько историй, столько песен своих спели! У них же тоже были какие-то свои, самодельные песни на тему альпинизма.*

Важно отметить, что не каждый мог добиться подобной привилегии: просиживать ночи с инструкторами. Для этого действительно нужно было быть самим Высоцким! Интересно свидетельство еще одного эксперта про информацию, которая витала уже непосредственно внутри «альпинистского сообщества» того времени.

Андрея Юрков: *Владимир Высоцкий во время пребывания в горах быстро нашел ход в инструкторскую столовую – своего рода полужакрытый клуб, предназначенный строго для избранных. Это единственное место в любом альплагере, где полуофициально разрешалось употреблять алкогольные напитки. Вообще-то, в альплагерях всегда соблюдался жесткий сухой закон, но после серьезных восхождений узкому кругу лиц это негласно позволялось. Красивых видов из альплагеря и общения вечерами в инструкторской столовой с бывальыми альпинистами Владимиру Высоцкому вполне хватало для глубокого погружения в свое творчество. Так песни и рождались!*

Это, кстати, к теме строгого режима, неких правил распорядка, норм, устоев, традиций, гласных и негласных законов... и прочих условностей. Не думаю, что Высоцкий не принимал их просто в силу своего перманентного бунтарства. Скорее – просто не замечал. Если не мешали – то пусть будут себе. А так – ниспровергал, особо не задумываясь. Во имя творческого вдохновения...

Лариса Лузина: *Хотя это только вначале все строго запрещалось. А потом, когда уже вовсю стали сниматься, Володя Высоцкий уже постоянно внизу появлялся, на первом этаже гостиницы. У нас там находились столовая, ресторан-бар – и мы вечером стали частенько собираться там. Володя всегда был с гитарой. И, естественно, всегда пел свои песни. Причем это не выглядело, как концерты. Нет, он просто нам, своим друзьям и коллегам, исполнял написанные им вещи.*

Вот такой ритм жизни. Днем – напряженная работа. Вечером – импровизированный концерт для друзей. Ночью – беседы с профессиональными альпинистами, изучение «горной темы» из первых уст. А когда же он тогда написал все эти свои ставшие столь знаменитыми песни из «горного цикла»?

Лариса Лузина: *Я не видела, когда Высоцкий в горах писал. Или хотя бы записывал в блокнот какие-то свои мысли, отдельные строчки. И он никогда никому не показывал какие-то черновики, наброски. Я часто слышала от общих друзей, что он именно по ночам писал свои песни: сидел, работал. Наверное, так и есть, потому что днем – ну просто некогда было этим заниматься!*

Так ведь нашел время! Ведь, как уверяют исследователи, на начало съемок готовых «домашних заготовок» у Высоцкого в творческом заглазнике не имелось. Все рождалось непосредственно в процессе, во время погружения в соответствующую атмосферу. Как вариант, возможно, Высоцкому иногда необходимо было выйти из данной альпинистской ауры. Чтобы посмотреть на ситуацию немного со стороны. Во всяком случае, есть свидетельство, что Владимир Семенович привозил альпинистские песни во время коротких вылазок на большую землю.

Лариса Лузина: *Кстати, с песней «О друге» была очень смешная история. Володя иногда ненадолго улетал в Москву: он все-таки уже в Театре на Таганке тогда работал. А когда возвращался – обязательно всегда с новой песней. Так вот, Говорухин после очередного возвращения Володи зашел к нему в номер. Но Высоцкого там не застал – Володя куда-то*

вышел. А мы же там не запирались, все номера были открыты... Он заходит – а на столе лежат листочки с песней «Если друг оказался вдруг и не друг, и не враг...». Она запоминается очень легко. Говорухин прочитал, запомнил. А потом встречается Володю на съёмочной площадке и говорит Высоцкому: «Слушай, ты можешь написать что-нибудь о дружбе? Песню о друге, скажем? Например, как-нибудь вот так: “Если друг оказался вдруг и не друг, и не враг – а так...”» У Володи глаза начинают на лоб лезть: он бледнеет, потому что Говорухин слово в слово повторяет его песню. А Станислав Сергеевич просто решил Высоцкого разыграть! Но Володя-то не знал о том, что тот уже прочитал его песню. Высоцкий нахмурился, спрашивает: «А почему именно такое начало?» На что Говорухин с серьёзным лицом отвечает: «Да я уже слышал здесь примерно вот такую же: ребята-альпинисты ее пели!» И Володе аж плохо стало, он заметно погрузтел. Потом Говорухин увидел, что испортил человеку настроение, говорит: «Да ладно, не переживай – и не разбрасывай листочки на столе. Я прочитал, и все запомнил!»

Вот так, потихоньку, песни и начали просачиваться в фильм. Сейчас уже, пожалуй, никто не оспаривает то, что песни Высоцкого буквально спасли «Вертикаль» от забвения. Без них она не то что не произвела бы такой впечатляющий фурор, но и вообще бы вряд ли запомнилась зрителям.

Лариса Лужина: *Финал у нас в «Вертикали» был вначале какой-то совсем не яркий. Вот альпинисты на перрон вышли – и все, прощаются. Кого-то встречает невеста, кого-то жена, а мою героиню, например, встречает отец. И мы все расходимся... Когда сделали сначала такой финал – смотрим предварительный монтаж, а Станислав Сергеевич Говорухин говорит: «Финала нет: не хватает завершающей точки – и все!» Что делать? Говорухин, помню, мучился – искал решение. Потому что тот диалог, который у нас стоял по сценарию, – он незначимый совершенно, совсем ничего не дающий. Володя пишет тогда свою знаменитую песню:*

*В суету городов и в потоки машин
Возвращаемся мы – просто некуда деться.
И спускаемся вниз с покоренных вершин,
Оставляя в горах,
Оставляя в горах свое сердце.*

Эту песню он прямо тогда написал и принес режиссеру. И Говорухин убрал все наши прощальные диалоги в концовке и поставил вместо них эту песню. Получилась красивая точка: очень хороший конец фильма! А если бы не было всех этих песен Володи Высоцкого? Сам Говорухин говорил, что никогда и не думал, что картина будет так долго жить. И что это, конечно, только благодаря Володе: не будь его песен, картина уже давно бы умерла, о ней никто и никогда бы не вспомнил!

Подобное утверждение – не единственное. Наоборот, не удалось найти ни одной даже слабой реплики, что «Вертикаль» без песен Высоцкого имела бы хоть какой-то шанс на зрительское внимание!

Андрей Юрков: *По сути, своими песнями Высоцкий «Вертикаль» и вытянул! Надо сказать, что примерно через 6–7 лет начали снимать фильм «Пока стоят горы». На ту же тему. Была надежда как минимум повторить успех «Вертикали». Были приглашены известные артисты. В частности, на главную роль, руководителя группы альпинистов, был пригла-*

иен культовый актер того времени – брутальный красавец Олег Видов. Снимали в Домбайском ущелье, очень старались. Да и фильм получился добротный. Но помнит ли сейчас кто-нибудь его? Едва ли... А песни из фильма «Вертикаль» поют до сих пор. Исполняют даже те вещи, которые были написаны Владимиром Высоцким в тот самый короткий горный период – в основном под впечатлением разговоров в инструкторской столовой альплагеря «Шхельда», – но так и не вошедшие в фильм.

Эффект, который произвел фильм «Вертикаль», трудно описать словами. Это был небывалый всплеск интереса к альпинистской теме, к горной романтике. Дети стали наперебой писать в школьных сочинениях, что мечтают стать альпинистами...

Наталья Козырева: *Мое знакомство с творчеством Высоцкого началось с фильма «Вертикаль». С моими одноклассниками после его первого просмотра мы с ужасом поняли, что не запомнили тексты песен, а они нам очень понравились, и хотелось их петь – причем сейчас же! Это заставило нас еще раз отправиться в кинотеатр, в самое ближайшее свободное время, где каждый из нас лихорадочно записывал все, что успевал. Потом мы все вместе расшифровывали наши каракули, соединяли записанное каждым и пели, дополняя «mmm...» – в недостающих строчках. А особо нетерпеливые – снова ходили в кино и с гордым видом приносили «добычу».*

Думаю, что исследователи модных социальных тенденций советского периода не могут не отметить, что после «Вертикали» на советский героический Олимп мирных профессий уверенно вскарабкался образ романтика-альпиниста. Потеснив уже прочно обосновавшихся ранее на этой вершине полярных летчиков, моряков-подводников, сибирских геологов, первопроходцев-целинников да бдительных пограничников. Но интересно, что альпинисты – пожалуй, единственные в этом мужественном кругу, чья повседневная деятельность не приносила каких-то зримых результатов для народного хозяйства. Тут больше или спорт, или хобби. Хотя в случае спорта имелаась, конечно, и мощная идеологическая подоплека. Советские чемпионы выполняли миссию пропагандистов социалистического строя: победа во имя родной страны! Преодоление – если и не забугорных соперников, то хотя бы неких необузданных сил природы...

И Высоцкий, и его песни, написанные для «Вертикали», одновременно стали, что называется, культовыми! Думаю, в этой связи крайне интересен следующий рассказ. Важно, что с момента премьеры фильма «Вертикаль» (июль 1967 года) прошло всего лишь чуть больше года. Но Владимир Высоцкий уже воспринимался поклонниками как бог альпинизма!

Валерий Поволяев: *В 1968 году отмечалось пятидесятилетие комсомола. Естественно, была шумиха в прессе, много разных начинаний и молодежных инициатив. Была сформирована молодежная группа альпинистов, которая должна была отправиться в район ледника Федченко: штурмовать там безымянную гору, которой было решено присвоить имя «Молодой гвардии». А поскольку мы все тогда были влюблены в горы, то были влюблены и в Высоцкого! Поэтому и взяли с собой громоздкий, очень тяжелый катушечный магнитофон. Это, конечно, безумие – тащить его в горы. Но никаких компактных магнитофонов на батареях тогда еще не было. А вот электричество уже много куда провели.*

Я даже не могу сейчас точно определить, что это было. Представьте: ригель с гидрометеостанцией «Ледник Федченко» находится примерно на высоте пять с половиной тысяч метров. До него – исключительно пешком, в полном альпинистском снаряжении. Затащить туда тяжелый бобинный магнитофон – для этого надо было иметь нечто большее, чем просто любовь к творчеству Высоцкого! Тут даже и слова «восторженное почитание» или «благовование» – не особо подходят. Тут – что-то большее!

История очень интересная. Тем более, увы, так и не получившая должной известности даже среди высококоведов. Думаю, есть смысл остановиться на ней более подробно.

Валерий Поволяев: *Состав группы подобрался очень интересный. Прозаик Давид Маркиш, он сейчас является председателем Союза русскоязычных писателей Израиля. Сын знаменитого Переца Маркиша, заместителя председателя Антифашистского еврейского комитета, где незадолго до смерти Сталина расстреляли все руководство, в том числе и отца Давида. Следующий член группы – Михаил Лаврик, редактор издательства «Молодая гвардия». Третьим был я, молодой тогда художник, а четвертым – опытный альпинист Учкун Курманов, мастер спорта, заведующий отделом пропаганды Фрунзенского горкома партии. Он был единственным среди нас опытным альпинистом, к тому же хорошо знал Памир: это была его родина.*

Вот как. Профессионал – лишь один-единственный. Все остальные решились на рискованное восхождение исключительно под впечатлением эмоционального порыва да воодушевления от альпинистской романтики. В том числе – и не в последнюю очередь – от горного песенного цикла Высоцкого.

Валерий Поволяев: *Экспедиция проходила под эгидой комсомола. И мы, и наши комсомольские кураторы очень спешили, потому что альпинистский сезон уже практически закончился. Мы опаздывали, но нельзя было сорвать акцию: накоптыляли бы всем так, что мало бы не показалось. Времени в обрез: ведь обязательно надо было останавливаться на определенной высоте, привыкать к ней какое-то время. Иначе, если пойдешь наверх без остановок, без акклиматизации, – охватит страшная горная болезнь, что может привести даже к летальному исходу!*

Туристической прогулкой данное мероприятие уж никак нельзя было назвать. Тут скорее некое преодоление, порой – на стыке с понятием «гражданский подвиг».

Валерий Поволяев: *Шли мы очень тяжело. От трудностей нас никто не оберегал – изначально экспедиция планировалась на пределе сил. И неслучайно мы все потом получили памятные комсомольские знаки и почетные грамоты с пафосными формулировками: «за мужество, проявленное при восхождении...» Помню, нас тогда предупредили: «Ребята, не так много альпинистских групп в этом году было, год был очень тяжелый!» И действительно: незадолго до нас разбилась группа Минобороны, десантники, причем все мастера спорта, которые совершали коллективный прыжок на пик Ленина – тоже к комсомольскому юбилею. По-моему, четыре человека погибло тогда у них: когда оставалось совсем чуть-чуть, грохнула лавина в одном из близких ущелий, и по их ущелью, как по аэродинамической трубе, на них выкатил шквал ветра. Их всех снесло с горы, кто-то успел зацепиться, но четверых унесло: скомкало парашюты, разбились... А еще там в тот год разбилась группа пензенских альпинистов: они сходили с вершины и побоялись ночевать в неудобном месте. Срезали снежный пласт под горой – и их накрыло.*

Казалось бы – прямая угроза жизни и здоровью. Да к тому же, на кону не просто какие-то личные спортивные амбиции, но престиж всего Ленинского комсомола. При успехе – открывались дополнительные карьерные перспективы (все же социальные лифты посредством комсомольско-партийной линии тогда очень неплохо работали – примеров масса!). При неудаче – ожидалась неумолимая в таких случаях оргвыводы. Вроде бы: все силы бросить на выполнение поставленной задачи, отставить все второстепенное. Ан нет...

Валерий Поволяев: *Где бы мы ни останавливались – сразу же искали электричество и слушали песни Высоцкого. Мы других катушек с собой даже и не взяли! Вначале это было в Дараут-Кургане, – первая точка, откуда можно было уехать на машине, а раз в неделю даже самолеты четырехкрылые летали. Там мы встретились с двумя совершенно легендарными людьми, прославленными альпинистами, чемпионами Советского Союза: Виталием Абалаковым и Иосифом Кахиани. Мы вместе с ними сидели в горах, в небольших палатках, к которым шнур питания от генератора был брошен, – крутили катушки с песнями Высоцкого, восхищались. Альпинисты с мировым именем – Абалаков и Кахиани – все слушали и слушали, без перерыва. По несколько десятков раз: просили включить снова и снова! Вот насколько в горах соскучились по альпинистским песням Высоцкого! Альпинисты-чемпионы ведь уже уходили вниз, а мы только шли вверх.*

Даже обычные туристы (а уж альпинисты – тем более!) очень тщательно следят за лишним весом носимого снаряжения, стараясь избавиться от него по максимуму. Мне рассказывали о целлофановых пакетах вместо мисок (делалась небольшая ямка, а затем в заботливо распластанный в земле пакет выгружалась пища). О таблетках сахарина вместо сахара (стремление сэкономить каждый грамм!). И много еще чего подобного. А тут – громоздкий звукозаписывающий аппарат, весящий, как скромных размеров шкаф. Что и по дому-то переставлять не всегда хватит сил и упорства!

Валерий Поволяев: *Мы подключали магнитофон к источнику электричества и слушали Высоцкого практически до самого нашего подъема. Кроме одного места, которое называется «Алтын Мазар». Это такая метеостанция в горах, мы там ночевали – непосредственно перед уходом на сам ледник Федченко. В том месте не получилось подключиться: просто не было ничего такого у них предусмотрено. Помню, там как раз большая группа наших метеорологов дежурила: очень сокрушались, что не удастся послушать песни Владимира Семеновича! А самая последняя наша стоянка – гидрометеостанция «Ледник Федченко», что находилась на ригеле. Ригель – такая каменная основа на леднике, которую льды обходят. Представьте: скала, а со всех сторон идет ледник: движется вниз и обтекает ригель – слева, справа. На гидрометеостанции у них свое электричество, свой генератор, там все проще. Там мы и слушали Высоцкого перед самым восхождением. И там же, на ригеле, мы оставляли все вещи, в том числе и магнитофон: наверху, на самой вершине, его просто не к чему было подключать.*

Просто не мог удержаться от вопроса: наверное, все же пожалели, что потащили с собой такую тяжесть? Вначале легко было. А потом, высоко в горах, при разряженном воздухе, не возникали мысли: может, зря?

Валерий Поволяев: *Мы ни разу не пожалели, что протаскали тяжеленный стационарный катушечный магнитофон практически по всем горам. Так и шли, попеременно меняясь: в одной руке – ледоруб, в другой – магнитофон с Высоцким. Думаю, без его песенной поддержки вообще бы не дошли! Самое великопное, что когда мы уже спустились с вершины назад – измотанные, буквально выжатые, – нам зимовички баню приготовили! Баня была примитивная: надо было окунаться в бочку – другой воды просто не было. Но это казалось настоящей сказкой, которая запомнилась точно так же, как и песни Высоцкого, которые мы, выйдя из бани, слушали на своем магнитофоне!*

Специально привел историю во всех подробностях. Думаю, едва ли был другой человек в Советском Союзе, кто сделал бы так много для пропаганды альпинистского спорта! И неслучайно вот уже не одно поколение альпинистов считает Высоцкого своим в доску.

Если вспомнить про мифологизацию личности, без сомнения, Высоцкий является узнаваемым символом альпинизма, даже своеобразной иконой движения. Если же брать строгие факты – разумеется, никаким альпинистом Высоцкий не был по определению. Просто как гениальный актер удивительно органично вжился в эту роль.

Константин Кедров: *Высоцкий, думаю, до конца жизни продолжал оставаться дворовой шпаной. А дворовые ребята – они же все дети, независимо от того, сколько им уже стукнуло лет. Этот мир шпаны, мир пацанских понятий – довольно инфантильный, привязанный к авторитетам. Вся эта их бравада: я все могу, мне все по плечу! Василий Аксенов красочно описывает, как Высоцкий в Коктебеле на какую-то там скалу полез. Мол, «лучшие гор могут быть только горы!» Все решили, что раз лезет – значит, знает, зачем лезет! Значит, он, мол, альпинист. А Высоцкий там застрял, повис где-то. Его всем Домом творчества потом полдня снимали. Но он вот просто захотел выглядеть таким – сильным, ловким, выносливым, мужественным, умелым альпинистом.*

Не только коллеги-литераторы традиционно скептически относятся к Владимиру Семёновичу. (Ну, во всяком случае – в отдельных проявлениях его талантов.) Многие энтузиасты-альпинисты, отдавшие любимому увлечению скалолазанием половину жизни, также несколько скептически относятся к наделению Высоцкого сиятельным ореолом лидера альпинистского движения.

Андрей Юрков: *Высоцкий и горы – тут все очень непросто. Высоцкий никогда альпинистом не был. И после фильма «Вертикаль» альпинистом он также не стал: не ездил больше в горы и песен про горы больше не писал. С другой стороны, сыграл он альпиниста в фильме «Вертикаль» настолько убедительно, что многие зрители поверили, что есть такой бард-альпинист Высоцкий. Сменилось поколение, и песни про горы Владимира Высоцкого стали образцовыми, буквально классикой жанра. Хотя, помню, в горах его песни вначале не сразу прижились. С другой стороны, обычные люди – не альпинисты – про горы тут же начали петь на площадях и в скверах.*

Непосредственно альпинистский послужной список Высоцкого (без учета творческих заслуг в пропаганде движения) хорошо известен профессионалам. Назвать Владимира Семёновича далеким от темы ни у кого, даже у его откровенных хулителей, язык не поворачивается. Все же Высоцкий прошел необходимое горное посвящение.

Андрей Юрков: *Говорят, что другие режиссеры отказывались снимать фильм «Вертикаль» из-за откровенно слабого сценария. А Говорухин взялся – во многом потому, что сам был альпинистом. И знакомств у него в горах было много. К съёмкам фильма привлекли знаменитых альпинистов, а актерам предложили пройти обучение в альплагере по программе на значок «Альпинист СССР», считавшейся самым начальным уровнем. Большинство актеров предложение приняли, а Высоцкий не то чтобы отказался, но на занятия ходил редко. Во всяком случае, так рассказывали сами альпинисты, что были тогда там. Актеры двадцать дней изучали передвижение по осыпям, по скалам, по снегу и льду, ходили в перевальный поход. А в конце их ждало зачетное восхождение на гору – завершающий пункт программы обучения на значок «Альпинист СССР».*

Кстати, не могу не похвастаться откровенной журналистской удачей. Партнерша Высоцкого по съемкам фильма «Вертикаль», Лариса Лузина, рассказала мне совершенно эксклюзивную историю про это финальное восхождение. Во всяком случае, с ее слов, раньше она всегда опускала важные детали из этой истории. Думаю, что известный высококовед Лев Черняк удивился, услышав от меня (во время интервью) эту информацию. Даже пообещал найти профессиональных инструкторов по альпинизму, которые могли быть непосредственными участниками данных событий. Чтобы уточнить детали. Да и вообще – подтвердить сам рассказ... Не знаю, правда, чем дело у него кончилось.

Итак, из первых уст...

Лариса Лузина: *В сценарии и в жизни так происходит, что альпинисты очень дружны в горах – когда они в связке, когда покоряют вершину, когда чувствуют себя храбрыми, смелыми, сильными, упорными. Человеком с большой буквы себя ощущаешь! Это мы на себе испытали, когда пытались покорить вершину Вулей, вся наша актерская группа. Там Володе, как он потом признался, и пришла строчка:*

*Весь мир на ладони – ты счастлив и нем,
И только немного завидуешь тем,
Другим – у которых вершина еще впереди!*

А целиком эта песня была написана как раз после того, как мы вернулись с покорения вершины Вулей. Не я у него спрашивала, но хорошо запомнила ответ Володи, так как присутствовала при том разговоре. Он рассказывал, что должен быть первый толчок для песни. Когда мы подошли к этой вершине, а мы уже шли почти весь день: преодолели леса, альпийские луга, ледник. И подошли уже к взятию этой вершины, осталось совсем немного добраться до нее, чтобы флажок свой воткнуть. А там уже кругом сверкает лед, кругом вершины в снегах, и вот Высоцкий, как увидел эту красоту, так у него и родилась строчка: «Весь мир на ладони – ты счастлив и нем...»

Впрочем, здесь постараемся отвлечься от рассмотрения творческого процесса. И перейдем непосредственно к сопутствующим ему событиям.

Лариса Лузина: *Думаю, так и родилась эта песня: «Сверкает изумрудным льдом, вершина, которую ты так и не покорил». Эти строки пришли к нему здесь, при восхождении на Вулей! Который мы, к сожалению, так и не взяли. Ведь когда мы к пику самому этой вершины подошли, у нас уже просто сил никаких не было. Знаете, я это раньше никому не говорила. Мы ведь по возвращении все дружно заверили Говорухина, что, мол, эту вершину покорили! Но на самом деле мы ее не взяли, – у нас просто сил больше не осталось! Там нужно было пройти еще совсем немного, но это был самый трудный путь. Это уже практически скалолазание – надо было в связке идти!*

Невинная по-своему ложь, если подумать. Просто не хотелось расстраивать своего режиссера, что имел некие организаторско-альпинистские амбиции. Но ведь не стоит забывать, что в той штурмующей вершины группе находились две хрупкие женщины – актрисы, а не спортсменки. Привыкшие дефилировать на высоких шпильках, а не продираться куда-то вверх с ледорубом!

Лариса Лузина: *Сил не было ни у кого – мы же нетренированные люди! Эта вершина, вообще-то, считается не очень сложной. Она находится около трех тысяч метров над уров-*

нем моря, но она снежная. Нам говорили, что берут ее обычно «значкисты», то есть начинающие альпинисты. И вот нас Говорухин послал эту вершину взять – чтобы мы получили те самые значки и стали наконец «значкистами». А мы дошли – и все, нет просто больше никаких сил! Нас сопровождала опытная альпинистка, заслуженный мастер спорта. Она посмотрела, какие мы все бездыханные, и говорит: «Ладно, ребята – отдохните пока: я сейчас, быстро!» Ей-то такое восхождение – раз плюнуть: она берет по шесть-семь тысяч метров вершины! Вскарабкалась одна – и все!

Помню, озадачился во время интервью: а инструкторша-то зачем тогда туда полезла? Что, просто нельзя было сказать? Оказалось, все не так-то просто. Там же целый ритуал у альпинистов продуман. Чтобы не примазывались к ним те, кто не прошел всех этих горных инициаций. Впрочем, в данном случае случилось исключение из жестких правил. Из гуманных, я думаю, соображений.

Лариса Лузина: *Там же нужно было доказать, что мы действительно взяли эту вершину! Нужно было поставить флажок, отрыть специальную ямочку, где лежит список предыдущей группы. Все фамилии, имена вновь взобравшихся кладутся в эту ямочку, ставится флаг. А когда следующая группа покоряет эту вершину, то достает и этот флаг, и эти имена – складывает туда свой список и уже свой флажок ставит. И вот с этим флажком ты спускаешься и доказываешь, что ты, мол, эту вершину взял. Но у нас сил нет. Она говорит: ладно, ребята – не надо, я сейчас сама. Заслуженная альпинистка, жалея нас, за полчаса «сбегала» наверх, положила наши фамилии, флаг наш поставила, забрала с вершины что нужно вниз – отдала нам. Помню, когда мы возвращались уже, то под Вулеем как раз поляна была такая огромная. Так там прямо минеральная вода бьет из земли – мы припали, оторваться не могли, так устали. Ног своих просто не чувствовали: потому что спускаться еще сложнее, чем подниматься, – все время очень быстро идешь, практически бежишь.*

За давностью лет данная история почти забылась. Тем интереснее открыть в ней новые важные детали.

Лариса Лузина: *Говорухину мы ничего не сказали, что до самого конца не дошли – так формально и не покорили вершину! Сказали, что, мол, взяли. И никто потом так и не открылся. Я Говорухину буквально за несколько лет до его смерти только рассказала правду! Помню, он так злился. Говорит: «Какие же вы сволочи, артисты! Вы меня обманули, а я вами так гордился: всем друзьям-альпинистам рассказывал, что мои артисты – они вон какие!» Про съемки «Вертикали» я много, конечно, рассказывала. Но вот про то, что вершину актерская группа так и не покорила, – раньше не говорила нигде в прессе. По-моему, это и никто другой не рассказывал. Думаю, что можно теперь и широкому читателю сказать правду: считаю, что это действительно интересный и даже по-своему смешной эпизод. Тем более что кроме меня и Риты Кошелевой никого уже в живых не осталось из нашей актерской группы.*

Рассказ Ларисы Лужиной крайне интересен. И не только тем, что стала более понятной известная строка из песни: «Вершина... которую ты так и не покорил...» Но и тем, что раскрывает какие-то новые детали в характере Высоцкого. Возможно, этот эпизод можно было дать в соответствующей главе, где речь пойдет о характере Владимира Высоцкого, его личностных чертах. (Действительно, тут же много может быть интерпретаций: не видел смысла в тщетном упрямстве; умел сдаваться, признавать свое поражение; жалел по-рыцарски хрупких дам – что уж точно имели сил гораздо меньше, чем у него, известного своей отменной физической подготовкой; умел благородно хранить чужие и общие секреты... Последнее, кстати, специально

для тех, кто уверяет, что для Высоцкого не было ничего святого. И, мол, он ерничал практически над всем, с чем сталкивался. Мог бы ведь и высмеять неудачное восхождение, но нет. Хранил тайну восхождения до самого конца!)

И все же думаю, что данный рассказ уместнее оставить в этой главе. Пусть иллюстрирует непростые отношения прекрасного актера Высоцкого и высокой идеи покорения горных вершин. Как видим в его активе таковых нет. Что, впрочем, никак не помешало ему войти в шкуру горных покорителей, выразив их надежды и чаяния максимально проникновенно.

Неудивительно, что сам Высоцкий после кинокартины «Вертикаль» стал, как бы сейчас сказали, лицом советского альпинизма. Предание об альпинисте-Высоцком как-то без особого труда завоевало сердца простого советского человека. Хотя, как это ни странно, среди самих скалолазов песни Высоцкого не сразу были встречены на ура. Думаю, тут и соответствующая ревность присутствовала: «Мы, мол, тут вершины, рискуя жизнями и здоровьем штурмуем, а он всего лишь пару песенок спел...» И профессиональный снобизм закрытой группы, куда допускают лишь после особых, суровых инициаций.

Андрей Юрков: *Песни о горах, написанные Высоцким, довольно долго в горах не приживались. Причин тут было несколько. Ведь до фильма «Вертикаль» альпинисты привыкли к тихим задушевным песням, что-то типа: «Ночи платье бальное звездами вышито...» В горах пели «Военную баксанскую песню», на мотив танго Бориса Терентьева. Пели «Барбарисовый куст». Это все – достаточно лиричные песни. А тут – такие надрывы: «...свою добычу смерть считала!» Хотя после выхода «Вертикали» многие в горах стали принимать Высоцкого за своего. Но другие возражали: дескать, своим в горах он никогда не был! Мол, историей со съёмками фильма его горная жизнь и закончилась. Если не считать еще пару эпизодических выездов в Приэльбрусье. Плюс к этому, многие в горах обсуждали несколько неприятных случаев: например, когда за выступления в альплагерях Владимир Семенович потребовал деньги – искренне при этом считая, что дает концерты. А народ же в альплагерях после выхода фильма «Вертикаль» стал считать Высоцкого своим. А как же может свой брать деньги за песни? Визбор-то, мол, всегда пел бесплатно... Я вот еще помню времена, как начинали кривиться губы у старых альпинистов, когда молодежь затягивала «...ведь это наши горы, они помогут нам!» Но это было в середине 70-х годов, не позже... А дальше – пошло-поехало! Да как! Молодые альпинисты опять поверили, что Высоцкий – свой.*

Теперь то давнее скептическое отношение старых альпинистов – уже история. Ныне молодые романтики часто болевают горными восхождениями именно после песен Высоцкого. При этом могут даже и не быть знакомыми с тем фильмом, для которого все эти песни были написаны.

Андрей Юрков: *Прошли годы. Подросло молодое поколение альпинистов, уже целиком воспитанное на песнях Высоцкого про горы. И так вот стали складываться легенды про «мастера спорта по альпинизму Высоцкого». Я как-то раз – уже в нашем тысячелетии – попытался объяснить молодым, что не было такого мастера спорта. Побить, слава богу, не побили... Но недовольны молодые были сильно. Главный их аргумент: «Так он же наш!» И правда, в Харькове, например даже скалодром называли «Высоцкий». А рядом поставили памятник. Так что теперь назначают время тренировки молодых альпинистов так: «Сбор на тренировку – в семь, у Высоцкого».*

Но если не забегать так далеко, отодвинуть в сторону вот эти самые «прошли годы», то нужно признать, что для самого Владимира Семеновича фильм «Вертикаль» стал в определенном смысле судьбоносным. Именно с ним связана резкая смена его публичного имиджа.

Если раньше – у тех же чиновников, скажем, – с Высоцким ассоциировались «неполиткорректные» песни, наподобие «Я был душой дурного общества», то теперь – вполне себе идейно выдержанные воспевания красот альпийских лугов и заснеженных вершин.

На записях ранних концертов Высоцкого можно услышать, как его объявляют организаторы: «актер и большой друг альпинистов». Имидж романтика горных вершин как раз и поможет Высоцкому в организации своих первых творческих вечеров и концертов.

Многие новые зрители, не слышавшие до этого его «блатного цикла», станут воспринимать Высоцкого исключительно как романтика гор с гитарой. В круг почитателей его таланта начнут массово подтягиваться туристы, альпинисты, романтики лесных костров из движения «Самодетальной песни». А главное, сольные выступления Высоцкого, его песенные концерты уже не будут восприниматься некой крамолой!

Впрочем, рассказ о концертах пойдет в одной из следующих глав...

Разносторонняя личность

*Мой финиш – горизонт, а лента – край земли,
Я должен первым быть на горизонте...*

В. С. Высоцкий

В процессе работы над книгой мне было крайне интересно узнать: как называют Высоцкого его поклонники? Например, когда рассказывают о нем подрастающему поколению...

Легко почитателям таланта Александра Блока: можно сделать «вечер памяти великого поэта». Любителям Шолохова – смело можно учредить премию (и не одну!) «имени великого прозаика». А как быть с Высоцким? Он к какой категории «великих» относится?

Насколько я понял, Высоцкий – это прежде всего Великая Личность. Так считают практически все, с кем я общался. В том числе даже те собеседники, кто явно недолюбливает собственное творчество Владимира Семеновича.

Константин Кедров: *Высоцкий – несомненно, гениальная личность! Но спросите меня, в чем именно он гений? Кто он? Гениальный поэт? Я так не думаю. Прозаик? Совсем нет! Если брать Высоцкого как чистого барда, то он далеко не самый сильный бард. Артист? Любимов говорил: «Так себе...» – утверждая, что у Высоцкого довольно средний уровень игры. Причем не раз так говорил. Опубликована даже моя беседа с ним, интервью: целый час мы об этом разговаривали... А вот все вместе, как некий сплав творческих качеств – у Высоцкого получается просто гениально! Бывает так: гениальная личность, где трудно вычленишь какую-либо одну из составляющих.*

Данную мысль высказывали многие эксперты издания. Может даже показаться, что существовал специальный «провокационный» вопрос. Мол, разговор специально подводился к тому, чтобы дать определение гениальности Высоцкого. Так ведь нет! Подобного вопроса, клянусь, и не было как такового. Собеседники рассказывали, как они лично воспринимают Высоцкого и его творчество. А ответы получились довольно схожи, возможно из-за того, что подобное мнение является довольно распространенным. Ну, во всяком случае – среди людей творческих специальностей...

Анатолий Сивушов: *В каждой отдельной составляющей Высоцкого его нельзя назвать гениальным. Это не гениальный актер, не гениальный поэт, не гениальный певец. Но вот все вместе – это совершенно неповторимый, оригинальный – и да: гениальный! – образ. Самое главное в нем – способность говорить от имени совершенно разных людей на языке, понятном каждому. Высоцкого нужно рассматривать исключительно целиком! Вычленять что-либо одно – совершенно противопоказано! И вот только тогда он становится абсолютно уникальной и неповторимой фигурой.*

Причем подобное я слышал совершенно от разных людей, с разной степенью категоричности. Менялось лишь базовое определение отдельных составляющих его творческой активности: от уклончивого «не гениальный» до резкого «слабый». Посмотрел: можно привести еще аж семь подобных цитат, от разных экспертов. Но ограничусь всего одной, наиболее категоричной.

Сергей Соколкин: *Высоцкий, безусловно, крайне интересное явление, которое просто нельзя не заметить! Но если спросить: «А кто такой Высоцкий?», то даже и не знаю, как лучше ответить. Как поэт – он слабый, как композитор – слабый, как исполнитель – слабый. Все вместе – гениально и ни на кого совершенно непохоже! Так что с этой точки зрения – зачем было печатать книги Высоцкого или принимать его в Союз писателей? Он же никакой не поэт! Он что-то совсем, совсем другое. Он – Высоцкий!*

Вот так. Даже хотел вначале эту главу так и назвать: «Что-то совсем другое...». Действительно – интригующе и емко...

И все-таки: что это было – то самое «другое»? Версий много. При желании можно насчитать пару десятков: для каждого уникальность Высоцкого – в чем-то своем. Думаю, что нет смысла даже комментировать следующие строки – пусть так и идут: единым блоком. Тем более что все сказанное отображает какие-то отдельные важные грани этой уникальной личности.

Дмитрий Дарин: *Лирика Высоцкого была до крайности, до самого предела правдивой. И еще она была рискованной, надрывной и мятежной. И вот это и сделало его поэзией, его творчество народным. И Бог недаром дал ему такой голос, недаром дал гитару!*

Анатолий Сивушов: *Невозможно выразить словами, что это за явление такое – Владимир Высоцкий. Гениальность которого именно в сращивании актерства, поэзии и музыки. От всего понемногу – и формируется совершенно гениальная и уникальная личность, которая своим удивительным талантом цепляет абсолютно любого!*

Александр Нотин: *Просто невообразимой популярности Высоцкого способствовали три фактора. Во-первых, это удивительная поэтическая точность и емкость его строк, масса ярких образов и художественных находок. Во-вторых, это нервная, порывистая, немножко специально недостроенная семиструнная гитара. А главное – хриплый, рвущийся буквально из каких-то болезненных глубин его личности голос, которым он буквально кричал.*

Максим Замшев: *Владимир Высоцкий был голосом поколения: многие люди мыслили, жили и говорили его голосом, его биографию прикидывали на себя. Он человек абсолютно народный, как Есенин, Рубцов. Есть поэты, может быть, и выше их по качеству стихов, но они не могут с такой точностью попасть в народное сознание: чтобы «без зазора». Высоцкий просто абсолютно попадает в наше народное фольклорное ощущение мира, поэтому его песни так запоминаются и их цитируют. Более того, Высоцкий был артистом, а стало быть он умел этому попаданию в народный мир придать ту форму, которая была наиболее понятна и близка людям.*

Алексей Певчев: *Думаю, творчество Высоцкого – вневременное. Это часть не только культурной, но и исторической традиции страны. Конечно, у него существовали стихи и песни, жестко привязанные к реалиям той эпохи и носившие сиюминутный характер. Но основной пласт, основные глыбы остаются неизменно актуальными – они вне времени, да и вне географической или национальной привязки. Если твой внутренний мир созвучен вечным ценностям и находится в системе координат и формулировок Высоцкого, то уже совсем не важно, в какой социальной или временной системе ты находишься.*

Вневременное... «Что-то совсем другое...» Один из возможных ответов – Высоцкого нельзя скопировать, нельзя повторить: так, чтобы это могло хотя бы сравниться с оригиналом. А уж «сделать лучше» – вообще что-то немыслимое!

Сергей Сибирцев: *Все эксперименты с творческим наследием Высоцкого – когда его песни, например, пытается исполнять кто-то другой – выглядят малоубедительными. Вроде и хрипит почти так же, на пределе сил. И надрыв «подпускает» очень старательно. И копирует все интонации. А все равно – нет главного: гениальности, масштаба личности Высоцкого! Его удивительной харизмы и неиссякаемого творческого драйва!*

Я не раз сталкивался с утверждением, что стихи многих современных поэтов гораздо лучше исполняют именно профессиональные актеры, чтецы. Конечно, и в авторском исполнении поэтических строчек порой тоже можно найти определенный шарм... Но зачастую все эти декламаторские импровизации творцов рассчитаны на уж очень большого любителя! Так же выглядят и попытки талантливых композиторов – с более чем скромными вокальными данными – присесть к роялю и попытаться что-то такое там «намурлыкать». Но с Высоцким – совсем другая история.

Вряд ли кто-то будет оспаривать тот факт, что кроме профессионально написанного произведения должна быть и соответствующая форма подачи. В случае с Владимиром Высоцким – тут просто какой-то непревзойденный феномен. Удивительная органичность слов, музыки и исполнения! Исполнить песню Высоцкого лучше, чем он делал это сам, пожалуй, еще никому не удавалось. Во всяком случае, так в один голос уверяют респонденты данного издания.

Алексей Певчев: *Современные публичные прочтения Высоцкого, на мой взгляд, неизменно кошмарны. Ну, за редким исключением, которое составляют все те же рок-музыканты – духовные наследники и последователи Высоцкого. Я имею в виду трибьюты Александра Ф. Скляра, Юрия Шевчука, Сергея Галанина, Константина Кинчева, Натальи О'Шей (Хелависы), Александра Васильева из «Сплина» и некоторых других. Но примеры того, когда люди сделали достойные песни или альбомы-трибьюты, посвященные Высоцкому, можно пересчитать по пальцам. Прикосновение к Высоцкому – огромная ответственность, простирающаяся за умение выучить текст, играть на гитаре и с драматическим выражением на лице сжимать микрофон, стоя в красивой позе. Не пережив, не погрузившись в его стихи, не осознав то, что он написал, – невозможно даже взяться ни за одну из его песен!*

Но даже «духовные наследники» Высоцкого признают, что невозможно передать весь тот драйв и душевный надрыв, который выдавал он во время концертов. Внутренних сил на такое хватало только у самого Владимира Семеновича!

Александр Ф. Скляр: *От многочисленных предложений выступить с отдельным сетом, посвященным именно Владимиру Высоцкому, я, как правило, отказываюсь. Ведь для меня это подразумевает просто колоссальное вокальное напряжение. Однако включаю песни Высоцкого в свои программы регулярно. Трудно представить, как бы выглядел Владимир Семенович, скажем, в восемьдесят лет, но могу вам сказать откровенно: исполнять его песни, с теми же надрывом, накалом и неистовостью, в мои шестьдесят – задача крайне сложная!*

«Надрыв души», что демонстрировал Высоцкий в своем творчестве, не всегда мог восприниматься положительно. Иногда ему ставили подобные «крайние эмоциональные проявления» в укор. Что воздействует на зрителей исключительно «внешней стороной», непосредственно яркой и эмоциональной подачей – по сути, красивой оберткой, красочным фантиком...

Валерий Хатюшин: *Высоцкий как талантливый актер умел играть на чувственных струнах обывателей. Для них он был, конечно, кумиром. На слушателей и зрителей особенно действовали внешность Высоцкого, его необычный голос, его резкие, бьющие по нервам интонации. То есть внешние, артистические проявления Высоцкого-исполнителя действовали на них завораживающе, и даже не имело значения, о чем именно он поет. Главное было – как он это делает. Его голос и исполнение, конечно, всех обезоруживали.*

И, конечно, не могла не завораживать непредсказуемость творчества Высоцкого, его поведения, даже его жизненной позиции, если хотите! Ведь то, что «Высоцкий был разным» отмечалось уже не раз. При этом разговор идет не о метаниях из крайности в крайность, а скорее о частой смене творческих интонаций, смысловых акцентов, эмоциональных приоритетов. Да и всего творческого алгоритма, если можно так выразиться, – в том числе и под воздействием неких внешних жизненных обстоятельств. До поездок во Францию и по остальному миру – Высоцкий один. После – совсем другой. Или водоразделом в его «творческом мироощущении» вполне можно считать: «до поступления в Театр на Таганке» и «после». То же можно сказать про его знакомство и последующую женитьбу на Марине Влади: там тоже можно вычленить ярко выраженное «до» и «после». Как минимум, это хорошо заметно в любовной лирике.

Часто можно услышать: эта тема у Высоцкого мне очень нравится, а вот другая – напротив.

Сергей Соколкин: *У меня неоднозначное отношение к Высоцкому. С одной стороны, он мне очень нравится как автор-исполнитель. С другой стороны, он не был цельной личностью: по отношению к миру, к людям. Сегодня он один, а завтра – другой. В некоторых песнях отношение к простому человеку из народа зачастую у него напоминает откровенную «хулу». Зачастую простые люди у Высоцкого – ограниченные, недалекие, плохо образованные... А вот все его военные песни – отличные патриотические вещи! При этом очень проникновенные, емкие, а главное – точные, избавленные от авторских домыслов!*

Из-за того, что творчество Высоцкого трудно «привести к единому знаменателю», порой так трудно и определить его предшественников. Тут также получается разногласия. Каждый записывает Высоцкому в предтечи каких-то своих «кандидатов».

Сергей Казначеев: *Говоря об истоках творчества Владимира Высоцкого, надо помнить о том, что они весьма и весьма разнообразны. Иногда говорят о влиянии Александра Галича, иногда – Окуджавы. Правда, ни разу не слышал о сближении имен Высоцкого и Вертинского. И тут тоже есть о чем порассуждать. Конечно, тонкий эстет и суровый мужлан – пусть даже чисто внешне! – кажутся полярными фигурами. Но и тот, и другой на сцене создавали прежде всего некий артистический образ. Но если у Вертинского это всегда лишь один Пьеро, то у Высоцкого – то Пьеро, то – Арлекин, а то и Карабас-Барабас!*

Очень важное наблюдение. При такой изменчивости мировосприятия и обратного миротображения, при такой гибкой фактуре творчества – возможно, влияние какого-то одного автора (или даже группы авторов одного направления) на творчество Высоцкого не стоит переоценивать. Высоцкий мог как испытывать творческое влияние «сразу от всех», так и – что интереснее! – ни от кого вообще: ориентируясь исключительно на личные интуитивные прозрения.

Алексей Певчев: *Я не знаю, был ли Высоцкий большим знатоком литературы, держал ли руку на пульсе новейших творческих тенденций, перенимал ли какие-то поэтические приемы у своих приятелей-шестидесятников: Галича, Окуджавы, Ахмадулиной, Евтушенко, Вознесенского. Думаю, что его абсолютного божественного дара было более чем достаточно! Ну а чем еще объяснить процесс, по ходу которого из обычного московского мальчишки возникает поэт такой гениальности, масштаба и влияния? Конечно, это и образование, и опыт, и талант... Но и еще что-то – то, что дается свыше.*

Обычно утверждается, что «свыше» дается как раз-таки талант. Прежде всего... Или даже огромный талант, плавно переходящий в то, что принято называть гениальностью. Поэтому можно долго спорить, насколько гениальным поэтом был Высоцкий. Думаю, тут оценки могут быть разные. Но вот с чем согласны практически все опрошенные эксперты, так это с гениальностью его личности.

Сергей Сибирцев: *Не думаю, что можно отдельно обсуждать стихи Высоцкого или его музыку – какая там заложена мера таланта. Прежде всего, Высоцкий – гений сам по себе, без привязки к чему-то конкретному. Даже если бы он вообще никаким творчеством не занимался – все равно бы слыл гениальным: просто в силу своей неумной жизненной энергии, своей бьющей через край эмоциональности, своей яркой «человечности» – в чистом ее виде.*

Часто подобные рассуждения продолжают в следующем ключе: все, что делал Высоцкий – вне зависимости от профессионального владения соответствующими навыками или знаниями, – окрашивалось неким «крылом ангела» его гениальности. А потому – интересно и необычно!

Константин Кедров: *У меня есть большие вопросы к поэтическому творчеству Высоцкого. Но он прежде всего – гениальная личность. А когда гениальная личность начинает писать стихи, то там всегда найдутся какие-то удачные повороты, новые ходы. Гениальная личность, даже если начнет сапоги тачать, то и там чего-то добьется – что-то такое свое, оригинальное сделает!*

Как тут не вспомнить великого Леонардо! Или Дмитрия Менделеева, достигшего высот во всем, за что брался: в химии, физике, метрологии, экономике, геологии, метеорологии, педагогике, приборостроении... А ведь он еще удачно отметился в нефтяном и в таможенном деле. К тому же являлся известным воздухоплавателем и конструктором летательных аппаратов. И уж совсем неожиданно – признавался одним из лучших в столице изготовителем чемоданов и дорожных сумок ручной работы.

Неслучайно столь ярко выраженный талант – именно в плане бурлящей жизненной энергии! – не мог не привлечь к Высоцкому внимание. А дальше, через талант автора, внимание стало приковываться и к его произведениям.

Михаил Айвазян: *Как человек, живущий внутри той гулкости событий, что происходили в литературном мире, могу совершенно точно утверждать: все 70-е годы Высоцкий был крупнейшей литературной фигурой в Москве. Во в всяком случае – в массовом сознании. Мы как-то с приятельницей, в начале 70-х, шли пешком от Таганки до Красной площади. И заметили одну странность: был вечер воскресенья, и чуть ли не из каждого окна слышались песни Высоцкого. Почему – не знаю. Причем люди специально открывали форточки, окна – чтобы соседи и даже случайные прохожие слышали: а у нас Высоцкий!*

Что привлекало поклонников к его творчеству? Думаю, что всех – разное. Кого-то – предельная точность, емкость, афористичность фразы...

Сергей Ныркoв: *В те времена все было на слуху, но все говорилось шепотом, тайно, по кухням. А Высоцкий проговаривал то, что было на слуху, понятным языком: всем, а не только высоколобым любителям изящной словесности! И вот эта простота, доступность выражения, которая казалась поэтам того временем дилетантством, сейчас очень широко употребляется поколением новых поэтов. Многие из песен Высоцкого сегодня уже давно стало афоризмами. Этот человек буквально говорил афоризмами: придумывал такое яркое, емкое словосочетание, которое в будущем становилось афоризмом.*

Другим импонирует его безоглядность, отсутствие преклонения перед правилами и авторитетами. Смелость отхода от незыблемых канонов, чтобы даже стать для зрителей юродственно-смешным, если потребуется.

Петр Калитин: *Владимир Высоцкий обладал особым безумно-юродственным куражом – потому и был негласным и непредсказуемым победителем в творческом плане: тем самым «иноходцем», о котором пел. А еще он пел о «последних», официально непризнанных:*

*Может, сзади и не так красиво,
Но – намного шире кругозор,
Больше и разбег, и перспектива....*

Да, официально он считался в литературе одним из «задних», из «последних». И затем заслуженно ставшим «первым» – но только посмертно: так и не утешив свою авторскую гордыню при жизни... Навсегда предпочтя – именно по-юродственному! – чистую Правду: «какую-то мразь», которая «пропилась, проспалась догола», как поет он сам в одной из песен.

Если уж зашла речь о некоем «юродстве» Высоцкого, то как тут не вспомнить и пророческую миссию, которую ему нередко приписывают!

Александр Ф. Скляр: *Высоцкий как большой поэт во многих своих произведениях выступает как пророк – ему, возможно, открылись некие непознанные стороны бытия! Актуальность его стихов и песен не померкла до сих пор. Высоцкий смог объединить целую страну и несколько поколений! Нынешнее поколение тридцатилетних все еще понимает и ценит творчество Высоцкого. Уверен, что и нынешние дети, когда вырастут, смогут понять эту важную грань отечественной культуры. Я могу объяснить это только лишь промыслом Божьим! Увы, когда такого масштаба творец уходит, то все мы прекрасно понимаем, что на его место не придет никто.*

...Можно долго перечислять «аспекты» таланта или гениальности Владимира Высоцкого (попутно споря, что относить к первому, а что – ко второму). При этом тот факт, что Великий бард прочно занял достойное место среди лучших представителей своей эпохи, трудно отрицать. Как и то, что он – возможно, один из многих! – уже благополучно «пережил» и непосредственно свою эпоху, и еще пару последующих.

Анатолий Сивушов: *У меня дочь, которой сейчас двенадцать лет, знает Высоцкого, с удовольствием его слушает. А это же поколение, для которого Советский Союз – уже просто пустой звук! Но они все равно знают Высоцкого! Что-то происходит, когда даже слышишь*

его песни краем уха – и все, запоминается! Человек откликается! Считаю, что его песни – это что-то Богом данное, так как не зависит от времени и эпохи.

Вряд ли есть смысл спорить, что ныне Высоцкий уже причислен к легендарным личностям. А что, как не это, принято считать гениальностью?

Влад Маленко: *Сегодняшнее соседство на полках пластинок Высоцкого и вторичных исполнителей того времени лишь подчеркивает путаницу внеидеологического вакуума, при котором народ на время теряет чутье. А любая выходка, любой писк, поддержанный финансово, вмиг делает что-то востребованным, «отличным от нуля». Впрочем, и время пластинок стремительно утекает, перемещая внимание активной аудитории в виртуальное пространство. Но и здесь у Высоцкого, к счастью, уже давно имеется свое место. Необыкновенный дар совмещения поэтического таланта и уникального голоса; время и место жизни: Советский Союз; яркая судьба и пороки; восхитительная заграничная жена и ранняя смерть – вот составные части того, что мы называем Легендой. Высоцкий состоялся именно как Легенда. И это главное!*

А отдельные аспекты легендарной личности – поэта, прозаика, сценариста, певца, композитора, актера, просветителя и выразителя голоса эпохи Владимира Семеновича Высоцкого – мы постараемся еще внимательно рассмотреть...

Кино. Театр. Актерская стезя...

*Не выходите в первые ряды
И не стремитесь в примы-балерины...*

В. С. Высоцкий

Высоцкий-киноактер был долгое время гораздо известнее, чем Высоцкий-бард. Почему? Фильмы в те годы выходили на широких экранах сразу по всей стране, всех актеров знали в лицо и по фамилиям. А в киосках «Союзпечати» продавали открытки с лицами героев телеэкрана.

А вот магнитофоны, где можно было послушать Высоцкого-барда, были далеко не у всех. Да что магнитофоны! В те годы, когда Высоцкий получал первую известность через записи на «бобинах», даже электричество было еще не везде проведено!

Александр Комбатов: *Самое начало семидесятых, небольшое село в центре европейской части России, где буквально «вот только что» появилось электричество. Помню патефон с ручным заводом и пластинки: Руслановой, Пахоменко, Бернеса. После окончания сельской школы я приехал в город Куйбышев (ныне Самара), поступил на завод, стал жить в общежитии. Из открытых окон звучало веселое «Вдох глубокий, руки шире...» или романтическое «Корабли постоят и ложатся на курс». «Кто это?» – спрашивал я. – «Деревня! Да это же Высоцкий!» – отвечали мне удивленные сверстники.*

Впрочем, к тому времени (скажем, к 1970 году) Владимир Высоцкий уже снялся в более чем двадцати кинокартинах – в том числе и в таких знаковых, как «Вертикаль», «Служили два товарища», «Хозяин тайги» и «Опасные гастроли». Поэтому и не объясняли умудренные знаниями «городские» деревенскому пареньку, кто такой Высоцкий. Фильмы-то с ним он уж точно смотрел: привозил же «из районного центра» сельский киномеханик!

Впрочем, сейчас трудно понять, почему талантливый актер Высоцкий сыграл в столь малом количестве кинокартин! В 1970 году актер снялся в своем двадцать втором фильме, «Эхо далеких снегов». А в год своего ухода из жизни, 1980-м, снялся в тридцать первом, последнем в своей карьере киноактера («Маленькие трагедии», режиссера Михаила Швейцера). За десятилетие – всего девять?! Увы...

При этом многие отмечали, что на киноэкране Высоцкий выглядел очень интересно: он был фактурным, очень харизматичным актером.

Галина Нерпина: *Я дружила с Валерием Семеновичем Фридом, сценаристом фильма «Служили два товарища». Валерий считал, что Высоцкий – очень мощный актер. Один из самых интересных на то время. И у него есть просто великолепные работы. В «Дон Жуане», например, у него замечательная роль, трагическая. Как будто печать смерти на лице!*

Александр Цуркан: *Для меня Высоцкий очень разный, очень разноплановый: русский офицер, дворянин, в «Двух товарищах» – он один, а в «Месте встречи...» – он сыграл совершенно советского человека! А в «Интервенции» какой он? Совершенно другой!*

Были еще, конечно, и театральные роли Высоцкого – в знаменитом Театре на Таганке. Но постановок театра при жизни Владимира Высоцкого не «крутили» по Центральному теле-

видению. (Хотя тогда и были модны так называемые «телеспектакли».) А сам театр, хоть и был безумно популярным у московской богемы, вмещал довольно мало зрителей. Поэтому и билеты туда простому смертному было просто не достать. К тому же, даже в родном театре Высоцкому хоть и доставались ключевые роли, но – увы! – их было не так много: Галилей («Жизнь Галилея», 1966), Хлопуша («Пугачев», 1967), Маяковский («Послушайте!», 1967), Гамлет («Гамлет», 1971), Лопахин («Вишневый сад», 1975), Свидригайлов («Преступление и наказание», 1979). Эпизодические роли Высоцкого и выходы в массовке еще в пяти спектаклях театра – в основном в начале своей артистической карьеры на Таганке – не в счет.

Опять это «увы!» Почему оно все время возникает? Давайте разбираться...

Прежде всего, следует признать, что довольно часто Высоцкого не воспринимали и продолжают не воспринимать многоплановым актером. То есть он им, вполне возможно, и был – но вот режиссеры оставались в плену его уже сложившегося образа.

Александр Цуркан: *Так получилось, что Высоцкий играл цельных, мощных мужиков. С таким голосом – как можно играть характерные роли? Куда он должен был девать свой голос, эту мощную «машину»?!* Так, в фильме «Стряпуха» его даже специально переозвучили, потому что не соответствовала роль его голосу, да еще и волосы покрасили в белый цвет. Там же он был мальчик по сценарию. А какой может быть мальчик с его таким-то грозным «аппаратом»!

Согласен, Высоцкий в роли «юноши бледного со взором горящим», а-ля Пьеро, как-то плохо представляется. Даже если взять фото совсем молодого Высоцкого – студента, – там он уже везде выглядит именно мужиком: мощным, волевым, уверенным в себе.

Хотя, возможно, именно данное обстоятельство и помешало ему сыграть многие роли: режиссеры просто не были уверены, что Высоцкий будет органично смотреться в любой роли, не предполагающей мужского (даже мужланского!) напора.

Максим Замшев: *Иван Бортник мне о Высоцком много рассказывал. Говорил, что человек он был глубокий, но до конца как актер не реализовавшийся. Очень часто в кино эксплуатировали его сложившуюся, привычную фактуру – потому он и не сыграл все то, что мог бы сыграть.*

Сергей Казначеев: *Фильмография актера Высоцкого не слишком обширна, но выразительна и впечатляюща. И это несмотря на то, что в основном все роли принадлежали к одному амплу – мужчины рокового, брутального типа. Но в пределах этих достаточно узких и жестких рамок ему удалось вылепить такие разные характеры, как герои картин «Вертикаль» и «Место встречи изменить нельзя», «Служили два товарища» и «Хозяин тайги», «Плохой хороший человек» и «Сказ про то, как царь Петр арапа женил».*

Впрочем, можно услышать вполне обоснованные сетования, что кинорежиссеры зря не пробовали актера Высоцкого в других, необычных для него амплу. Вот, мол, Юрий Любимов пробовал – и оказывался прав: Высоцкий удачно смотрелся во многих образах. Например, как это ни странно, в комичных ролях.

Александр Цуркан: *Высоцкий безумно смешным делал Керенского в спектакле «Десять дней, которые потрясли мир» на Таганке – это факт. Все просто хохотали. Он имел блестящее чувство юмора. Например, играл Ножу в «Добром человеке из Сезуана». Он был в той роли такой маленький, нелепый... и, что называется, «борзой»! Еще очень смешная роль*

Гитлера была у него в постановке «Павшие и живые»: он изображал тирана почти в том же ключе, что и Чаплин.

Жаль, что в кино Высоцкому не дали возможности попробовать себя в подобных ролях. Там он неизменно играет людей непростых, но с настолько сильным характером, что над ними как-то и не рискнет никто «посмеяться».

Сергей Казначеев: *В последнем фильме, где он снимался, – «Маленькие трагедии» – Высоцкому удалось выйти за грань привычного амплуа, к которому так привыкли кинозрители. И сыграть человека, скорее тонкого и ранимого, чем грубого и мужественного. Думаю, что в этой области творческий потенциал его был отнюдь не исчерпан.*

Возможно, актеру Высоцкому просто не хватило времени, чтобы вырваться за пределы своего сложившегося образа в кинематографе.

Согласен, мужественный типаж «рыцаря без страха и упрека» всегда был затребован в актерской профессии. Особенно в то время: признанными героями тогда являлись моряки, летчики, танкисты, геологи, шахтеры и люди других «мужественных» специальностей. Едва ли жеманный «офисный креакл» или некий «интроверт-интерсекс» мог стать востребованной фигурой у режиссеров того времени.

Петр Калитин: *Высоцкий как актер воплотил и на театральной сцене, и на киноэкране тип настоящего русского мужика – эдакого «посконного», изначального! Уже тогда это был исчезающий тип, в силу неистово «безумной» харизмы. Мужика, который никогда не унижится до выпрашивания «справедливых» холуйных привилегий.*

«Посконная мужественность», так или иначе, должна была присутствовать практически в каждом фильме. Ну действительно, кто должен быть примером для подражания у молодых строителей коммунизма? Даже ученые в белоснежных халатах (вспомним Баталова в «Девять дней одного года») – и то обладали завидной крепостью духа... И да – мужественностью в чистом виде. И тут, вроде бы, Высоцкий должен был органично вписаться в ореол деятелей социалистического производства. Кому, как не лирическим героям в его исполнении следовало, невзирая на все невзгоды, двигать страну к заявленной победе коммунизма?

Александр Цуркан: *Высоцкому давали играть исключительно благородных, сильных духом, цельных, мощных, трагичных личностей! У него не было ролей, как у Евстигнеева, например, где он там комично изображал что-то. Может, и смог бы Высоцкий так, но его не брали на эти роли: были другие актеры, которые в этом смотрелись органичнее. Режиссеры готовы были ставить на Высоцкого свои фильмы, биться за него. Говорухин год бился за Высоцкого – и все-таки добился! Сколько сняли, сколько зарубили ролей Высоцкому, которые он мог бы сыграть, – хороших, интересных ролей!*

И вот тут-то мы подходим к основному моменту: почему Высоцкого снимали с ролей? В кино, во всяком случае. Как это ни странно, но существуют две совершенно противоположные точки зрения относительно актерского дарования Владимира Высоцкого. Чаще всего можно встретить словосочетания: «великий актер», «выдающийся исполнитель» и так далее. Если хотите более подробной расшифровки, то вот что об этом рассказал его коллега по театральной сцене.

Валерий Иванов-Таганский: *Я играл вместе с Высоцким на одной сцене первые двенадцать лет. Какое-то время мы находились с ним в одной гримерной. Лучшей театральной работой Высоцкого, на мой взгляд, была роль Хлопуши. В этой роли, на короткое мгновение монолога, у него была невероятная концентрация природных данных: темперамента, эмоциональности, харизмы. Все вышеперечисленное производило потрясающее впечатление. Прямо скажу: запредельное! Я во время монолога Хлопуши находился рядом: играл Бурнова и Торнова – держал и бросал Высоцкого на цепи. Я помню эту мощь, эти вспухшие жилы на шее Высоцкого, эти его слезы, эту почти откровенную актерскую «агонию», забыть которую невозможно!*

С моей точки зрения, актерскую игру Высоцкого отличала подлинность. В его даре была не только страсть к перевоплощению, а кипел какой-то глубинный, «мясистый» драматизм, через который отчетливо видна была его измученная душа.

Такой выдающийся режиссер, как Юрий Любимов, не мог не чувствовать, насколько интересный актер перед ним. Поэтому и поручал ему традиционно главные, ключевые роли в спектаклях.

Александр Цуркан: *Если бы Любимов не чувствовал энергию Высоцкого, не видел его выдающиеся актерские качества – не дал бы ему никогда ни одной главной роли. А требовалось – ни много ни мало – зажечь, поднять зал! Почему Высоцкий – единственный, кто играл Хлопушу? Что, некому было больше в театре так надрывно орать? Да было кому! Но заменить никаких не было! А Вилькин, помню, вообще сказал, что к концу жизни было страшно смотреть, когда Высоцкий играл Гамлета: играл просто гениально!*

Ну, когда подобное слышишь от коллег по театру, понимаешь, что обсуждаемую тему следовало бы на этом закрыть. Что тут еще можно добавить? И вот тут возникает «сюрприз». Оказывается, актерская игра Высоцкого вызывала неоднозначную реакцию даже у опытных коллег, которые были связаны с ним как минимум приятельскими отношениями. Возможно, разница в темпераменте, в алгоритме эмоционального восприятия мира?

Николай Бурляев: *Володя меня позвал на премьеру Театра на Таганке – «Гамлет». Помню, мне все там не понравилось: и сама постановка, и то, как он играл. Я даже не пошел потом к Володе за кулисы, чтобы не обманывать и не говорить неправду. Я не понял, зачем он так кричал на сцене – и вообще показалось, что это все мимо текста, мимо глубины Шекспира.*

Если подобное утверждает профессиональный актер, то чего же ждать от простых зрителей, пусть даже и являющихся профессиональными работниками культуры?

Марина Замотина: *У меня ничего, кроме непонятного ощущения, актерская игра Высоцкого не вызывала. Как актер он был, на мой взгляд, совсем неинтересный. Возможно, такое ощущение возникало потому, что я застала уже далеко не лучший период его творчества...*

При этом, как вспоминает Марина Анатольевна, в те годы она была заядлой театралкой. Через аппарат Союза писателей, где работала, доставала билеты на лучшие спектакли, стараясь не пропустить ни одной премьеры. И вот – на тебе: «непонятное ощущение»! Приведем целиком ее слова и попробуем понять, что же именно ей показалось «не так».

Марина Замотина: *Я видела все спектакли Театра на Таганке в те годы, когда был жив Высоцкий. У меня сложилось стойкое ощущение, что он не играл роль, а просто был на сцене самим собой. Он был не Хлопушей, он был не Гамлетом... А когда я Свидригайлова в исполнении Высоцкого увидела, то прямо даже расстроилась. А ведь это была чуть ли не премьера: зима 1979 года, только-только они поставили спектакль. Помню, думала: удивительно, вроде такой интересный человек – и такая роль блеклая, просто никудышняя актерская работа. Вот он вышел в цветном халате, терпеливо выслушал «авансовые» аплодисменты, хмуро исполнил какую-то песню, как-то потерянно походил по сцене – и все, ушел. Так же и его Хлопуша, который истерически кричал, дергался в этих цепях – как-то все это было невпопад. Я на все эти спектакли шла с замиранием сердца, в ожидании какого-то шедевра, невероятной исполнительской находки. А тут обыкновенный, даже несколько будничнейший Высоцкий, который просто громко что-то вопил и, откровенно говоря, действовал на нервы. И Гамлет у Высоцкого был более чем странный. Я смотрю на него и вижу певца из России Владимира Высоцкого, а не принца датского!*

Уже второе скептическое мнение. Возможно, здесь сыграло роль что-то личное, неприятие яркого темперамента, разница в эмоциональном складе? Справедливости ради отмечу, что два приведенных выше мнения принадлежат людям сдержанным, рассудительным, умеющим контролировать себя в любых ситуациях. Неслучайно и следующее суждение – высказанное человеком более чем уравновешенным в проявлении своих эмоций – в чем-то созвучно двум предыдущим.

Константин Кедров: *Я с супругой был на любимовском «Гамлете» – это просто было невозможно смотреть. С точки зрения искусства – это ужасно, безвкусица полная! Причем сидели мы на первом ряду, на почетных местах. Но лучше бы мы уж сидели на последних – так можно было бы незаметно уйти. Высоцкий, по замыслу режиссера, разделся до пояса, схватил гитару и зарычал: «На меня направлен сумрак ночи...» При чем тут Гамлет, при чем тут Шекспир? Ведь в искусстве, в поэзии – энергия должна быть в слове, а не в том, кто громче что-то прорычит.*

В данном случае интересен тот факт, что Константин Кедров является автором драматической мистерии «Посвящение Сократа», поставленной Юрием Любимовым в Театре на Таганке. Причем прославленный режиссер был соавтором спектакля, переработав первоначальный текст сценария. И вот, со слов Кедрова, как сам Любимов относился к актерской игре Владимира Высоцкого.

Константин Кедров: *Что касается актерских дарований Высоцкого, то тут Любимов был довольно скептичен. Он рассказывал: у Владимира, мол, все внутри постоянно кипело, он размахивал руками, излишне воодушевлялся, работая над ролью. И поэтому даже не мог над могилой монолога Гамлета произнести – все куда-то убегал. И дальше Любимов сокрушался: мне, мол, пришлось Высоцкого привязать веревочкой к лопате, чтобы он далеко не убегал, чтобы на месте произносил свои слова. Вот до такой степени. Впрочем, он всех своих актеров рассматривал просто как марионеток, которыми он всецело управлял на сцене.*

История с «привязыванием к лопате» показалась мне интересной. Встречаясь с другими экспертами, я неизменно просил прокомментировать эти кедровские слова. Могло ли такое быть? Или это что-то из разряда традиционных актерских баек?

Александр Цуркан: *Любимов мог и пошутить, мог и подурачиться, позволить себе так сказать. Но ведь есть и другое: у Любимова ни один актер не играл главную роль, если он не был прекрасным артистом! Любимову по-другому было просто неинтересно. Я один раз позволил себе репетировать с ним Бездомного, что называется, «в половину силы». Первая же всего репетиция. Так Любимов рывкнул: «Стоо-ооо! Это вот что такое ты мне сейчас показываешь?» Я отвечаю: «Ну так репетиция же. Я пока роль просто в полноги прохожусь!» И услышал грозное: «Чем в полноги проходить, ты лучше не приходи сюда вообще! Так, все сначала!» То есть он требовал максимальной отдачи, сразу же сделай все, что у тебя есть сегодня!*

Впрочем, актерская версия «с шуткой» так и остается одной из версий. И не подкрепляется суждением профессионального режиссера, знавшего Юрия Петровича Любимова.

Андрей Левицкий: *Высоцкий – человек с каким-то просто невероятной силы темпераментом. Когда темперамента много, его нужно сдерживать. Довольно часто у актера не получается это сделать самому. Вот для этого и нужен режиссер, который «привяжет к лопате» или придумает еще что-то. Это рабочий момент работы над спектаклем, а вовсе не показатель актерского мастерства или его отсутствия. Помню, когда мы репетировали «Макбета», я того же Александра Цуркана развернул спиной к зрителю и сказал: хочешь этот монолог кричать на надрыве – тогда бейся при этом в стену! После нескольких его попыток побиться о кирпичную стену – все встало на место. Я как режиссер понимал, что актерский темперамент Цуркана буквально захлестывает. Поэтому он теряет органичность в своей роли. Так что, когда говорят о том, что режиссерское «привязывание к лопате» или «направление в стенку» говорит о некоем слабом актерском даре, – это интерпретация непрофессионала. «Человек театра» так никогда не скажет!*

Хотя с подобной интерпретацией согласны не только профессионалы, но и обычные почитатели актерского таланта Высоцкого. Ведь просто следуя формальной логике, многие из них делают примерно такой же вывод.

Александр Чистяков: *Я считаю «привязывание к лопате» нормальным режиссерским процессом. Нужно очень любить актера, чтобы попытаться обуздать его экспрессивность, пусть и таким нестандартным образом. А не снять его, к примеру, с роли или вообще выгнать из театра. Кстати, не стоит забывать, что на роль Гамлета Любимов не делал дубляжа в актерах. Был заявлен только один Высоцкий. Он ставил спектакль под одного конкретного актера – делал на него одного свою «режиссерскую ставку»!*

Ну, с этим вроде разобрались. Но как быть со зрительскими оценками? Слова «человеков театра», разумеется, более весомы в профессиональном плане, чем мнения рядовых театралов, дотошных зрителей. Но, с другой стороны, актер же играет не для коллег, не для критиков – а нацелен именно на зрителя. И если что-то идет «не так», то вездливое мнение откуда-то «с восьмого ряда партера» – гораздо ценнее, чем «солидарный» взгляд из-за кулис.

Марина Замотина: *На мой взгляд, я застала худший период театрального творчества Высоцкого – конец 70-х годов. Никакого перевоплощения я у него абсолютно не видела. Наверное, это уже были те годы, когда он находился в сложных отношениях с жизнью. То ли это с алкоголем было связано, то ли с какой-то зависимостью от медицинских препаратов, но у меня складывалось такое ощущение, что сцена его просто тяготила. Совсем не чувствовалось, что он играет с удовольствием. Смотришь любой его фильм – все совершенно иначе. Я*

так люблю, например, его роль в «Сказе о том, как Царь Петр арапа женил»! Очень простенькое кино, ничего особенно в фильме нет – но смотреть можно от начала до конца, просто не отрываясь! И Высоцкий там прекрасно играет. Да и вообще: любой фильм с Высоцким, какой ни включи смотрю с большим удовольствием!

Ну, то есть это не некая «личная неприязнь», как можно было подумать. Просто Высоцкий – театральный актер как-то «не зашел», не запал Марине Замотиной в душу (в отличие от Высоцкого – киноактера).

Хотя эти две его ипостаси тесно связаны. Не раз выслушивал мнение, что в кино Высоцкий мало бы чего достиг, не попади он в крепкие и умелые режиссерские руки Любимова! Мол, «до Любимова» Высоцкий как актер еще «не совсем состоялся».

Илья Рубинштейн: *Посмотрите фильм «Стряпуха» – у Высоцкого никаких актерских открытий там нет: абсолютно проходная, невыразительная роль. А затем он попадает в Театр на Таганке, в руки режиссера Любимова. Проходит всего два года, и выходит фильм «Служили два товарища». Там Высоцкий играет одну из своих лучших ролей! А ведь какой небольшой срок между этими двумя фильмами! Но эти две роли Высоцкого уже просто нельзя даже сравнивать!*

Впрочем, пусть это мнение и профессионального актера, режиссера, сценариста – но всего лишь мнение. Некоторые собратья по театральному цеху придерживаются других взглядов.

Марина Замотина: *Мой хороший знакомый актер Игорь Сыхра, недавно умерший, когда-то работал вместе с Высоцким в театре имени А. С. Пушкина. Это было начало 60-х годов. Так вот он отзывался о Высоцком как об очень своеобразном и одаренном актере. Каким он был уже тогда, работая в Пушкинском театре. Хотя Высоцкий совсем недолго там продержался. По рассказам Игоря, они с Высоцким в «Аленьком цветочке» друг за другом играли, находясь в сменных составах.*

Хотя тот факт, что становление Высоцкого как актера прошло именно в чутких режиссерских руках Любимова, в наше время, пожалуй, уже не отрицает никто. Действительно, до начала работы в Театре на Таганке все киношные роли Высоцкого – исключительно эпизодические, «проходные» и маловыразительные.

Александр Цуркан: *Насчет Высоцкого как актера я слышал многое от очень серьезных людей: от Александра Михайловича Вилькина, от Зинаиды Анатольевны Славиной. Они говорили, что Высоцкий поначалу был очень робок, скован, не было какой-то свободы в его игре. И Любимов его сначала тоже сильно тербил: поначалу как-то уж сильно он Высоцкого сдерживал! Юрий Петрович же был очень сильный, авторитарный человек: но если ты не ломался, то он начинал тебя уважать: мол, если ты такой же силы, то давай вместе пойдем!*

Благо Любимову не удалось «сломать» Высоцкого, он стал не только отдавать ему дань за актерское дарование, но и по-особому относиться к его личности, считая уникальным поэтом!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.